

РОССИЯ-УКРАИНА: ХРОНИКА СОБЫТИЙ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

И.М. Клямкин
Фонд «Либеральная миссия»

Аннотация: В представляемой очередной подборке текстов профессора И.М. Клямкина рассматривается ход украинских реформ, начавшихся после Майдана. Автора интересует, прежде всего, насколько удаётся Украине продвигаться к верховенству права. Ее опыт, как показывает И.М. Клямкин, свидетельствует о том, что преобразование посткоммунистической неправовой государственности в правовую ещё сложнее, чем преобразование государственности коммунистической. Потому что в первом случае над рядовым человеком появился, наряду с чиновником, и такой персонаж, как «олигарх». Их взаимовыгодное содружество образует надзаконную систему, функционирующую по формуле «деньги — власть — деньги», как в Украине, или по формуле «власть — деньги — власть», как в России. Вместе с тем, украинский опыт интересен автору не только обнаружением сложности проблемы, но и продвижением к ее решению. Интересен, в том числе, и тем, что в Украине в продвижении этом испытываются реформаторские возможности старой элиты, сформировавшейся в постсоветской коррупционной системе, по части демонтажа этой системы и ее трансформации в правовую. Эта элита повязана инерцией кланово-корпоративных связей и обязательств. Но одновременно она повязана и двойным давлением со стороны украинского гражданского общества и Запада, ставящего экономическую и политическую поддержку Украины в жёсткую зависимость от направленности и темпов реформ.

Ключевые слова: Россия, Украина, Путин, политические интересы, легитимность.

Новый опыт Украины и Россия 2014 год

Впереди историческая неделя (17 мая). Неделя до выборов президента Украины, от которых зависит почти все дальнейшее. Удастся их провести — один вектор движения страны, за который Запад и Киев, и против которого Москва и боевики в Донецке и Луганске.

Если выборы состоятся, то Москва может, конечно, их результаты не признать. Однако никаких политических дивидендов это ей не принесёт. **Донбасские территории, где силовое «освобождение» от власти Киева было как бы легитимировано незаконными референдумами, экономически и политически провиснут.** У Кремля добавится головной боли

по поводу того, что с ними делать, — и не поддерживать будет нельзя, и всерьёз поддержать тоже.

Если же Кремль намерен проведению выборов тем или иным способом воспрепятствовать, то ему надо считаться с тем, что Запад заранее ставит **вопрос о новых санкциях против России** в жёсткую зависимость именно от проведения либо срыва этих выборов. Исходя из того, что сорваны они могут быть только Россией.

Ну, а если они все же будут сорваны, то вектор, понятно, совсем другой будет — дальнейшая хаотизация, играющая в перспективе на малопривлекательный для большинства населения¹ силовой проект «Новороссия». Так что будущая неделя, без преувеличения, историческая. Остаётся лишь пожелать украинцам получить 25 мая, т. е. уже в первом туре, легитимную президентскую власть.

О московском непризнании предстоящих выборов и киевской конституционной игре (20 мая). Российский премьер-министр высказался об отношении официальной Москвы к предстоящим президентским выборам в Украине: мы будем уважать волеизъявление украинцев, но результаты выборов не признаем. Потому что легитимным президентом был и остаётся Янукович, смещение которого незаконно [Интервью 2014]. Крепка Москва в своей юридической вере. И безнадежно одинока.

Да, украинское законодательство не предусматривало такого, что президент сбежит вместе со своей командой, никому не сказав, куда и зачем, и явно не налегке. Сбежит, не подписав законы, принятые в соответствии с соглашениями от 21 февраля. Напомню, кстати, что и сами эти соглашения Янукович подписал только после того, как в ночь с 20 на 21 основные их пункты были уже проголосованы Верховной Радой, в которой президент в ту ночь потерял большинство². А до того — отказывался. И сбежал он уже 21-го, а не 22-го, причём тайно. Что же в такой ситуации должны были делать те, кто был в Киеве, кроме создания временной президентской и правительственной власти и назначения даты досрочных президентских выборов? Объявлять всеукраинский розыск беглеца ради его принудительного возвращения к исполнению конституционных обязанностей? Путин его защищал: мол, не сбежал, а отправился на переговоры с соратниками. Но на харьковском форуме представителей Юго-Востока, собравшемся 22-го, его тоже никто не видел. Так что именно тайно сбежал. И именно потому считать его законным президентом — не очень, мягко говоря, убедительно.

Интересно также, что российский премьер не преминул позитивно высказаться о легитимности действующей Рады. Это можно рассматривать как дополнительное свидетельство об участии Москвы в конституционной игре, в Раде начавшейся. Участии в проекте, по которому «незаконный» новый президент, занявший место «законного» Януковича, превращается в почти безвластного, а власть переходит к премьеру, назначаемому опять же Радой. Причём не переизбранной этой осенью, как было объявлено ранее и как того требовал Майдан, а сохраняющей полномочия до октября 2017-го, как хотели бы депутаты. Вот на этого будущего премьера, наверное, и московская ставка. Поэтому заранее объявляется, что результаты выборов президентских признаны не будут.

О президентских выборах (26 мая). Смотрю, о чем пишут и не пишут идеологи и пропагандисты альтернативной цивилизации в связи с вчерашними украинскими президентскими выборами.

¹ К этому времени уже было ясно, что сценарий силового захвата власти, реализованный на Донбассе, в других регионах украинского Юго-Востока провалился, массовой поддержки не получив.

² В ту ночь на экстренном заседании Рады часть депутатов из партии В. Януковича «Регионы Украины» перешла на сторону оппозиции.

Не пишут о том, что сам факт их проведения не очень согласуется с излюбленной мыслью этих идеологов и пропагандистов об отсутствии в Украине государства.

Не пишут о том, что выборы прошли так, как в альтернативной цивилизации их проводить не принято.

Не пишут о том, что цивилизации этой не удалось помешать выборы провести, чего она очень хотела.

Не пишут о том, что лидеры радикал-националистов («бандеровцев»), с которыми упомянутые идеологи и пропагандисты ассоциировали происходящее в Украине, в совокупности не набрали и двух процентов голосов.

Не пишут о том, что победитель получил поддержку не в отдельных регионах, а по всей стране.

А о чем пишут? О том, что выбранный президент внешне похож на прежнего. О том, что не по плечу ему роль Муссолини, Сталина и других вождей, без которых не бывает переходов от революции к порядку. Не могут эти идеологи и пропагандисты без исторических костылей-аналогий, без переселения прошлого в настоящее и будущее.

Не исключено, что именно потому и не могут, что сам их проект цивилизационный скопирован с прежнего опыта. А опыт этот включает в себя и навязывание своего проекта соседям. Поэтому в чем-чем, а в одном его идеологи и пропагандисты правы: альтернативная цивилизация сделает все возможное и невозможное, чтобы и при новом президенте европейский выбор Украины перекрыть.

Один исторический период вчера завершился. Начинается другой, ещё более сложный. Очень хочется, чтобы он был для Украины максимально успешным.

О доблестной лжи (9 июня). Замечательная газета «Известия» с ее идеей альтернативной цивилизации успешно развивается в изначально заданном направлении. Объявили вот, что президентские выборы в Украине были сфальсифицированы [Холмогоров 2014]. Никто из конкурентов победителя этого не обнаружил, а «Известия» вознамерились сделать тайное явным. Но реально явным стало лишь то, что альтернативная цивилизация — это цивилизация войны. Потому что только война может санкционировать ложь в отношении политических противников, как дело чести, доблести и геройства.

Состоится ли прецедент? (22 июня). Поймал себя на мысли, что почти все мы, пишущие в России об Украине, всецело поглощены войной и политикой, от нее производной. Происходящее после Майдана с украинской государственностью вытеснено на периферию сознания и мышления. А это ведь и есть самое главное.

Истории известны трансформации абсолютистско-монархических и тоталитарных политических систем в правовые. Но в ней не было прецедентов перехода в правовое состояние квазигосударств посттоталитарного типа, приватизированных группами частных интересов, которые сумели само право превратить в инструмент, позволяющий право безнаказанно попирает. Украинское общество выразило на Майдане вызревшее желание такой прецедент создать. А вот получится ли это у него, сумеет ли оно выдвинуть соответствующую желанию национальную элиту, вопрос пока открытый. И поэтому чрезвычайно интересны дискуссии в Верховной Раде (о новом конституционном устройстве или той же люстрации, например), в которые надо бы вслушиваться.

Если у украинцев получится, чего очень бы хотелось, то их опыт со временем может быть востребован и в России. А если нет... Если нет, то политическую повестку дня у нас еще долго будут определять разновидные приверженцы альтернативной цивилизации, отторгающие идею верховенства права над властью как чужеродную, и противопоставляющие ей в идеале идею честного державного Вождя. Ну, а не в идеале — того, которого Бог дал, лишь бы державного.

О досрочных выборах в Верховную Раду как индикаторе системных сдвигов (23 июня). Глубина сдвигов в политическом сознании общества едва ли не отчётливее всего проявляется в сознании и поведении его политического класса. Показательным в этом отношении может стать согласие либо несогласие украинской Верховной Рады на досрочные парламентские выборы. Не так давно, ещё месяц назад, большинство Рады было настроено законодательствовать в течение всего срока полномочий, т. е. до октября 2017 года. В ситуации, когда кредит общественного доверия к партиям, представленным в парламенте, подорван, а к некоторым почти исчерпан, это стало бы свидетельством сохраняющегося верховенства частных и групповых интересов над национальными. Или, говоря иначе, свидетельством того, что инерция приватизированного государства все ещё сильна. Ну, а самороспуск Рады обнаружил бы существенную глубину сдвига.

Соглашение об ассоциации с Евросоюзом как итог и вызов (27 июня). Подписав соглашение об ассоциации с ЕС³, Украина официально зафиксировала цивилизационный разрыв с Россией. Более или менее понятно, что будет дальше. Не сумев, несмотря на все усилия, этому событию помешать состояться, Москва будет доказывать гибельность цивилизационного выбора Украины для самой Украины. И с помощью своих союзников на Донбассе. И созданием дополнительных трудностей слабой украинской экономике, что давно уже обещано. И, возможно, чем-то ещё. Попутно эта гибельность будет красочно демонстрироваться российскому обывателю — идеологи и пропагандисты альтернативной цивилизации получают новое поприще для приложения своих дарований.

Ну, а для самих украинцев этот выбор — ещё и грядущий вызов со стороны не только державного соседа, но и их собственного прошлого, которое не будет спешить таковым становиться. Они обнаружили способность и готовность достойно ответить на этот вызов в дни и ночи противостояния на Майдане. Предстоящее испытание буднями цивилизационной трансформации, утяжелённое к тому же войной на Донбассе, ещё более длительное и трудное, ибо его предстоит консолидированно выдержать всем — и сторонникам Майдана, и его противникам, и тем, кто к нему был безразличен.

Гражданские нации нередко рождаются в революциях и войнах, но их жизнеспособность выявляется в мирной повседневности. В ней и творится история народов, и в этом историческом творчестве хочется пожелать украинцам Исторического Успеха.

О КГБ, ФСБ и СБУ (23 июля). Интересные порой встречаются постановки вопросов. Например, такая: почему в определённых кругах во избежание репутационных потерь предполагаемая причастность к чему-то ФСБ автоматически понуждает полагать это «что-то» злом, а в отношении к СБУ репутационно уязвимой считается, наоборот, критика этой украинской организации? Мол, девичья-то фамилия у них одна и та же — КГБ!⁴ Мне лично с таким способом поддержания людьми своей репутации, т. е. посредством демонизации ФСБ в сочетании с идеализацией СБУ, сталкиваться не приходилось, а потому выскажусь только по поводу сходства и отличия этих организаций.

Чем был КГБ?

Он был, во-первых, имперской структурой. Остаётся ли он таковой в постсоветской России? Думаю, что остаётся, и это проявилось и в деятельности ФСБ в Украине времён Януковича, при котором и СБУ была украинским филиалом Лубянки. Сохраняется ли такое положение вещей сегодня? Обслуживает ли СБУ имперский интерес Москвы? Если да, то требуются доказательства.

³ 27 июня 2014 г. подписана экономическая часть соглашения. Его политический блок, касающийся политического взаимодействия, вопросов безопасности и борьбы с терроризмом был подписан раньше (21 марта).

⁴ Публикация в Фейсбуке хабаровского историка Андрея Тесли.

Во-вторых, КГБ занимал определённое место в советской государственной системе. Сохранил ли он это место в постсоветской России? Полагаю, что не только сохранил, но и превратил себя из главного звена системы в звено системообразующее. Можно ли утверждать, что место СБУ в послемайданной государственной системе Украины то же самое, что и место ФСБ в системе российской? Если да, то опять же желательны доказательства.

Украина вознамерилась порвать с инерцией советского периода, воплотившейся в постсоветского уродца. Получится у нее или нет, никто сегодня не скажет, госаппарат ей после Майдана достался тотально прогнивший, но и намерение слишком очевидное, чтобы умудряться его не замечать. Если же получится, то она уйдёт от России, застрявшей в постсоветском межумочном состоянии, в иное цивилизационное измерение.

Я понимаю, что перспектива такого ухода может восприниматься болезненно, из чего проистекает соблазн уподобления современной Украины современной России, апеллируя к их давнему и недавнему совместному прошлому. И тогда ФСБ и СБУ предстанут близнецами-братьями по причине наличия у них общего родителя, а разное отношение к ним — исключительно как продукт групповой ангажированности. Но бывает ведь и так, что и у близнецов жизненные пути-дороги могут разойтись.

О противостоянии интересов и возможностей (13 сентября). Трудно даётся Украине ее цивилизационный развод с Россией. В нелегальной войне, размывшей границы между войной и миром, перемешавшей силовое противоборство с дипломатией, столкнулись несочетаемые интересы, возможности отстаивать которые выявляются в ходе самой войны. Что же успело уже выявиться?

Выявилось, что возможности Москвы, после подписания минского протокола многим казавшиеся подорванными экономическим и политическим давлением Запада, далеко не исчерпаны. **Что она в состоянии позволить себе этот протокол не выполнять — отвод с территории Украины одних подразделений сопровождается их заменой другими, продолжаются очаговые боестолкновения ради расширения контролируемой Москвой и боевиками территории, увеличивается концентрация войск на границе. И все это сопровождается официальными заявлениями Москвы, что минский протокол не означает для нее отказ от прежних позиций, касающихся изменения украинской Конституции, т. е. расширения полномочий регионов до нужного Кремлю.**

Запад продолжает ослаблять его возможности новыми пакетами санкций, утверждёнными на днях Брюсселем и Вашингтоном, и обещаниями предоставить Украине военную помощь. В ответ Кремль не только не меняет свою линию поведения на Донбассе, но и без согласования с украинской стороной направляет через границу очередной гуманитарный конвой. Демонстрируя тем самым, что после подписания минского протокола считает новые санкции срывом процесса мирного урегулирования, развязывающим ему руки. Чем может ответить на это Киев и поддерживающий его Запад?

Вчерашняя приостановка более чем на год ввода в действие уже подписанного соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом⁵ показывает, что их совокупные возможности противостоять Москве ограничены, а у Москвы они достаточны, чтобы цивилизационный выбор Украины в его практическом осуществлении отложить. Да, прямого ущерба это Украине не нанесёт, односторонние торговые преимущества Брюссель для нее сохранил, но темп интеграции и пробужденные Майданом ожидания скорых перемен Кремлю удалось сбить. И как это скажется в Украине на общественной атмосфере, от которой в переломные времена в решающей степени зависят общественные возможности, никто не знает.

---

⁵ В сентябре 2014 г. России удалось добиться приостановки ввода в действие экономической части соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом до 1916 г.

Я хочу, чтобы европейский выбор Украины состоялся. Но сопротивление проекта «Европейская Украина» и проекта «Новороссия», вопреки констатациям отдельных аналитиков, ещё очень далеко от завершения. Оно продолжается сразу на нескольких направлениях, и нет стопроцентной гарантии, что снова не перейдёт в сопротивление военное в прежнем нелегальном, а то и легальном формате. Трудно же предположить, что Кремль удовлетворится контролируемым донбасским анклавом, который сам по себе Москве не нужен.

Сегодня обе стороны, мотивированные взаимоисключающими интересами, используют перемирие для наращивания своих военных возможностей на Донбассе. Поэтому возобновления войны, прогнозируемого многими экспертами, нельзя исключать. И тогда именно ее ход и исход будет определять общественную атмосферу и вектор политического развития. Не только в Украине, но и в России.

Это из тех допущений, в которых очень хочется ошибаться. Ну, а пока Москве удаётся отнимать у проекта «Европейская Украина» время. Я имею в виду не столько даже отвлечение ресурсов Украины на продолжающееся донбасское противостояние, сколько замедление темпов ее интеграции в Европу. Это может ослабить психологический и морально-волевой ресурс и без того уставшего общества, а значит, и его совокупные возможности.

О невнимании к украинскому опыту (28 сентября). Украинский парламент принял недавно закон о люстрации («Об очищении власти») [Закон 2014]. В наших краях, если не считать изобличения на ТВ, он ни громким, ни даже слабым эхом не отозвался. Не только во власти, что можно понять, но и в политической и интеллектуальной оппозиции, что понять сложнее. Особенно с учётом входящих в моду разговоров о том, как важно сегодня готовиться к постпутинским временам, прорабатывать проекты системных преобразований. Если опыт таких преобразований у соседей, хорош он или плох, не находит никакого отклика, то о чем это свидетельствует? Это, сдаётся мне, свидетельствует о том, что никаких системных преобразований и не будет, равно как и их упреждающих проектов. Откуда им взяться при таком состоянии политического сознания?

Вспоминаю конец 1980-х годов, когда начались реформы в Восточной Европе. Их политическая и правовая сторона никого тут не интересовала, как потом не интересовала и в 90-е. Вектор перемен определялся стихийно, в пертурбациях политической борьбы, и стихия эта вывела туда, куда вывела. В обновлённую форму прежней системы. Потому что образа системно иного в головах не было, а чего нет в головах, в иных местах нигде ещё и никогда не возникало.

Сейчас восточноевропейский опыт, так и оставшийся не востребованным, в наших краях уже мало чему может научить. То был опыт трансформации коммунистической системы, а у нас система уже существенно иная. Примерно такой же она была до Майдана и в Украине. И именно из нее Украина пытается выбраться, обнажая новизну и колоссальную сложность задачи самовытаскивания из постсоветского исторического болота при сопротивлении тех многих и сильных, для кого болото — достигнутая земля обетованная. Но процесс этот с его переплетением плюсов и минусов, удач и неудач вне внимания и обсуждения даже самых горячих российских болельщиков за Украину. А она, между тем, как раз и переживает свой послепутинский период — с той лишь разницей, что в роли Путина там выступал человек с другой фамилией.

Вот на такие грустные соображения навело меня отсутствие реакции на украинский закон о люстрации. Порошенко, правда, его ещё не подписал, но не думаю, что его подписание в здешней атмосфере что-то изменит. Неподписание — тем более.

Ещё о невнимании к украинскому опыту (8 октября). После закона о люстрации Верховная Рада приняла в первом чтении антикоррупционную стратегию [Основы 2014]. Посмотрим, заинтересует ли она кого в России.

Закон о люстрации, как я уже писал, был оставлен нашей передовой общественностью без внимания, а некоторые оппозиционные активисты высказались в том смысле, что внимания он и не заслуживает. И не потому, что не без изъянов, что многие признают и в Украине, а просто в силу его ненужности. Зачем, мол, все это подробно расписывать, коли дело-то элементарное: если возьмём власть, то всех служивших режиму уволим, а кто считает себя к его злодеяниям непричастным, сможет обратиться в суд. Я и не знал до того, что в стране, в отличие от той же Украины, есть, оказывается, многомиллионный профессиональный резерв чиновников, прокуроров, судей, полицейских, спецслужбистов, армейских офицеров. Ну, а когда они займут освобождённые для них места, миллионы других будут отстаивать в судах право на эти места вернуться, и если кому-то из них такое право предоставят, то места для них, уже занятые, придётся, надо полагать, освобождать снова. И как много таких окажется?

Впрочем, подобными вещами радикальная мысль себя не обременяет. Если в принципе все ясно, то детали и нюансы не важны. Не обременяет она себя и рефлексией относительно своей собственной беспрецедентности, своей устремлённости к очередному сценарию «особого пути». Неистребима тут, похоже, эта сознательная либо подсознательная установка на самобытные простые решения. Даже у тех, кто в своих глазах выглядит идее «особого пути» радикально противостоящим.

А в Украине, между тем, пытаются нащупать сценарий выхода из сходного с российским прогнившего постсоветского состояния, что требует, прежде всего, очищения власти. Отсюда закон о люстрации, отсюда же антикоррупционная стратегия, направленная, в первую очередь, против злоупотреблений должностных лиц высшего ранга. Что у украинцев получится и не получится, никто сегодня не знает, но опыт поиска решений до того нерешаемой проблемы они создают. Почему же в стране, где проблема эта не менее остра, их опыт почти никому не интересен?

Я бы, может, и не писал об этом, если бы не стали появляться публичные заявки на проекты преобразований, ориентированные на постпутинские времена. Из этих проектов можно узнать, что европейскую ориентацию надо сочетать с вниманием к национальным традициям, свободу со справедливостью и о всяком таком прочем. И в них нет ничего о преобразованиях институциональных, без которых все эти слова ничего не стоят и ни к чему не ведут. А если учесть, что российское массовое, да и не только массовое, сознание насчёт институционального устройства государства все ещё девственное, то такие оппозиционные проекты выглядят и просто удручающими.

Невнимание к украинскому опыту — точный показатель того, что и на собственном печальном опыте наша апеллирующая к европейским ценностям контрэлита ничему пока не научилась.

О наблюдателе исторических событий (22 октября). Никому не дано знать, что в истории, переживающей свои роковые минуты, впереди. В этом отличие наблюдателя революционных событий от историка, который описывает процесс, зная его результат. Наблюдателю не может быть ведом смысл творимого на его глазах делателями истории. Как, впрочем, и им самим. Не дано ему знать, какой новый порядок сотворится на месте прежнего. В его распоряжении только опыт прошлого, препарированный в теоретических схемах, да эмпирические аналогии с этим опытом. Но понять смысл событий, а тем более, прогнозировать их ход и исход такие схемы и аналогии не позволяют. Поэтому переломные эпохи — не лучшее время для социальной науки.

О выборах в Раду (27 октября). Вчерашние украинские выборы в Верховную Раду подвели черту под начавшейся год назад украинской революцией. Предстоит переход от революции к реформам, по ходу которых прояснится, пунктирная это черта или сплошная. Как все пойдёт дальше, никто сегодня не скажет. Население устало от войны и жизненных тягот,

реформировать сложившийся уклад трудно, его инерция колоссальная, будут, наряду с внешней поддержкой, и трудно представимые по масштабам внешние помехи. Но вчера произошло очень важное — состав законодательного корпуса, сохранявшегося с домайданных времён, был преобразован в соответствии с настроениями общества.

Весной и даже в начале лета у меня лично не было уверенности, что это произойдёт уже в текущем году. Многие депутаты Рады не хотели уходить, хотели законодательствовать весь срок, на который были избраны, т. е. до октября 2017 года. Досрочные выборы пришлось форсировать распадом парламентской коалиции, но сделано это было вполне корректно. А сами вчерашние выборы показали, какой колоссальный сдвиг произошёл в Украине после Майдана.

В наших пенатах в очередной раз поупражняются в поисках блох, как упражнялись после выборов президентских, но, как и тогда, найдут их не очень много. В сравнении с украинскими выборами, российские выглядят голосованием в альтернативной цивилизации. Бита и пропагандистская «бандеровская» карта — слишком уж маловыразительны результаты мифологизированного «Правого сектора» на парламентских, а его лидера на президентских выборах. Поэтому, как и после победы Порошенко на них, будут снова говорить о том, что выборы ничего не решают, что путь, выбранный Украиной, тупиковый, и всякое такое прочее.

Разумеется, будет и «братская помощь» украинцам, призванная их в этой тупиковости убедить. Пока не получается. А получится ли, зависит, прежде всего, от украинцев. Их стране ещё только предстоит стать европейской, и путь будет не гладким, а результат заранее не предрешён. Но вчера они в очередной раз заявили, что в «альтернативной цивилизации» жить не хотят.

О парламентско-президентской форме правления (28 октября). Российским проектировщикам послепутинских перемен полезно было бы, на мой взгляд, внимательно присматриваться к украинскому опыту и ещё в одном отношении. Опыту, который начинает складываться именно сейчас.

Украина второй раз в своей постсоветской истории пробует использовать парламентско-президентскую или, как ее иногда называют, премьерско-президентскую форму правления. Первый опыт при Ющенко успехом не сопровождался, эта форма правления Виктора Андреевича сломала. При отсутствии у президента парламентского большинства она обладает большим потенциалом контрпродуктивной конфликтности между президентом и премьер-министром, и потому примеров ее использования немного (Франция, Португалия, Финляндия, Польша), а на постсоветском пространстве таковых нет вообще.

Поэтому так важно, что получится у украинцев со второй попытки. Тем более, в условиях предстоящих болезненных реформ, требующих солидарной политической воли президента и парламентской коалиции. Важно не только для Украины, но и для России, которой тоже, быть может, предстоит со временем переход от нынешней формы правления, искусственно соединяющей конституционализм и вождизм при доминировании второго над первым, к чему-то более современному. А к чему именно?

Я, например, склоняюсь к тому, что парламентско-президентская (или президентско-парламентская, предполагающая несколько большие полномочия президента) модель была бы для страны наиболее приемлемой, о чем неоднократно говорил и писал. Но ее жизнеспособность или нежизнеспособность может выявить только опыт. Такового у России нет, а в Украине он складывается и будет складываться на наших глазах. Интересно, станет ли он предметом наблюдения и изучения для наших проектировщиков российского будущего?

Часы пущены (27 ноября). Новая Верховная Рада Украины начала свою деятельность. Правящая коалиция, объединённая согласованной программой реформ, имеет в парламенте конституционное большинство. До этого украинскую власть много и порой жёстко критико-

вали: нельзя, недопустимо так безответственно медлить с обещанными реформами. Меня, признаюсь, смущало, когда эта критика шла из России. Я считал и считаю, что глубокие масштабные реформы нельзя было начинать при старом парламенте — законном, но не легитимном. И это делает честь украинцам, что в труднейших условиях войны они сумели провести — в соответствии с волеизъявлением Майдана — и президентские, и парламентские выборы. Мы как-то запамятовали свой 91 год, запамятовали, что такое реформы при сохранении старой законодательной власти, и чем они могут сопровождаться.

Мне казались и кажутся скороспелыми предположения, что украинские лидеры уже обнаружили свое реформаторское бесплодие. Что никаких других целей, кроме сохранения прежней системы и себя в ней, у них нет. Мне они кажутся людьми не конъюнктурно, а исторически амбициозными, осознающими, что сейчас в Украине поставлено на карту. Такого шанса интегрироваться в Европу, как сегодня, у нее может уже не быть. И если ее лидеры этот шанс не используют, то войдут в историю как политические банкроты. Уверен, что они понимают это не хуже их критиков.

Поэтому реформы будут. И нам здесь тоже очень важно отслеживать их ход со всеми его успехами и сбоями, которые, разумеется, будут тоже. Помня о почти полном невнимании российских политиков, воспринимающих себя потенциальными реформаторами, к уже принятым в Украине законам о люстрации и противодействии коррупции, это есть смысл повторить. Как и тоже высказывавшееся мной соображение о том, что задача системного реформирования постсоветского государственного устройства сложна уже тем, что нова. Опыт успешного преобразования коммунистических систем в Восточной Европе здесь вряд ли поможет. Государство, выстроенное под частные интересы правящего слоя по принципу «деньги-власть-деньги», преобразовать в государство правовое намного труднее, слишком уж вязкую и неподатливую для изменений среду оно успело создать. И в Украине, и в России. И потому так важно для нас, как пойдут дела у соседей.

Думаю, что именно с учётом этой особенности постсоветского государства, приватизированного частными интересами, Порошенко первоочередными задачами назвал сегодня реформирование судов и правоохранительных органов. И потому же предложил пригласить на должность председателя антикоррупционного комитета иностранца. Потому же счел целесообразным рассмотреть вопрос и о допуске граждан других государств к правительственным постам, включая министерские. И ко всему этому стоит внимательно присматриваться.

Сегодня для украинских политиков начался новый отсчёт времени. Предварительную работу, извинявшую их медлительность, они, как могли, проделали. Отныне оправданий не будет. Часы пущены.

О трясине и бездне (25 декабря). В чем сходство Украины и России? В их постсоветскости как особом историческом состоянии, как феномене разложившейся за четверть века советскости. А в чем разница? В том, что перед Украиной — проблема постсоветской трясины, из которой она пробует себя вытащить, а перед Россией — проблема постсоветской бездны, которой российская великодержавность, в трясине обжившись, под собою не чует.

2015 год

Украинским друзьям (24 августа). Примите мои поздравления. Пусть этот праздник Независимости⁶ будет с вами всегда, обогащаясь и впредь новыми смыслами. Пусть станет праздником освобождения от архаики, давящей извне, и той, которая внутри. Верю, что так и будет. Потому что знаю, что верите вы.

⁶ 24 августа — День независимости Украины.

О постсоветском state capture и его последствиях (5 сентября). Послушал интервью одесского губернатора Саакашвили украинскому ТВ [Саакашвили 2015]. Насчёт оправданности его претензий Яценюку в пособничестве коррупции судить не возьмусь, но для понимания природы постсоветской государственной системы интервью интересное.

Оно лишний раз подтверждает, что коррупция в этой системе — не аномалия, а норма, органически присущий ей способ существования и внутренней коммуникации. Что политическая революция, против нее направленная, сама по себе опрокинуть ее и заменить другой не может. Принцип ее функционирования («деньги-власть-деньги»), обслуживающий частные интересы олигархов и бюрократии, успел глубоко укорениться, а почвы для альтернативного ему принципа верховенства права в системе нет, он должен быть в нее привнесен извне, т. е. из общества. Но во власти- и олигархозависимом социуме идея альтернативного правового порядка не может обрести силу и волю для его, порядка этого, утверждения.

Однако пример Украины поучителен не только как опыт неудачи (на сегодняшний день), но и как опыт обнаружения системной проблемы во всей ее конкретной сложности. Он поучителен тем, что наглядно демонстрирует нерешаемость ее ни посредством смены персоналистского режима плюралистическим с разделёнными ветвями власти и политической конкуренцией, ни законами о противодействии коррупции, даже если они не имитационные. Но опыт украинцев интересен и продолжающимся поиском ключей к разрешению проблемы несмотря на неудачи. Решение ищется, о чем свидетельствует и одесский эксперимент с пробиванием бреши в системе на уровне одной отдельно взятой области.

Присматриваться бы надо ко всему этому тем, кто претендует на роль реформаторов в послепутинские времена. Ведь в их планах и проектах трудно обнаружить даже саму проблему, которую Украина явила во всей ее новизне и конкретности. Проблему реформирования посткоммунистической системы, принципиально от коммунистической отличающейся. Прежде всего, взаимоопосредованностью власти и денег, власти и крупного частного капитала. В России это выглядит несколько иначе, чем в соседней стране, в России системный принцип не «деньги-власть-деньги», а, скорее, «власть-деньги-власть», и это различие, возможно, существенное. Желательно бы, конечно, в проектах и программах учитывать и его, но откуда возьмётся интерес к различиям при отсутствии интереса к типологическому сходству, именуемому иногда state capture (захват государства влиятельными группами интересов)?

О системе и кадрах (13 октября). Ещё один штрих к образу олигархо-властезависимого социума.

Министр экономического развития Украины Айварас Абрамовичус, известный своей реформаторской активностью, инициировал проведение конкурсов на должности руководителей госкомпаний. Чтобы вытеснить с этих должностей ставленников олигархов и бывших чиновников. И столкнулся с тем, что документы на конкурс подают... ставленники олигархов и бывших чиновников, которых министр назначать не хочет. А других претендентов не обнаруживается.

Почему так, судить не возьмусь, а на украинском портале «Третья республика» [Pyatigorets 2015], где об этом прочитал, тоже обошлись без объяснений. Могу разве что лишний раз констатировать: реформирование постсоветской системы упирается в тип постсоветской социальности. Любой постсоветской социальности, а не только украинской. В которой, в отличие от социальности советской, между (или над) чиновником и среднестатистическим человеком нашла себе место третья фигура в лице «олигарха».

О новом мэре города Глухова (27 октября). Мишель Терещенко — украинский европеец и европейский украинец, как он себя называет, наследник известной украинской династии предпринимателей, родившийся и выросший во Франции, а 12 лет назад поселившийся

в родовом гнезде семьи городе Глухове, что в Сумской области, — стал мэром этого города, собрав 65 процентов голосов избирателей⁷. Он намерен «показать людям, что даже маленький город в Украине может жить, как в Европе». И если, добавляет, «я не смогу очистить город от коррупции, привлечь инвестиции и предложить перспективы, это будет говорить о том, что никто это сделать не может» [Кривцун 2015].

С огромным интересом, насколько доступно издали, буду следить за тем, как европейская правовая культура нового градоначальника будет в отталкиваниях и притяжениях взаимодействовать с постсоветской олигархо- и чиновнозависимой социальностью, от европейской, мягко говоря, несколько отличной. Очень хочется, чтобы у Терещенко получилось не хуже, чем на выборах, где народный сегмент этой социальности ему удалось в жёстком противостоянии с действующим мэром и глуховской бюрократией перетянуть на свою сторону.

О деле библиотекаря (30 октября). О задержании Натальи Шариной⁸ почти все пишущие об актуальном уже отписались. И насчёт того, зачем и почему с ней так обошлись, высказались тоже. От себя могу добавить следующее — гипотетически, разумеется.

Украина ушла от России. Война на Донбассе ее не остановила, пришлось останавливать войну, целей ее не достигнув. И теперь, возможно, стали готовиться и к тому, чтобы с этой ушедшей соседней Украиной «мирно сосуществовать», как с цивилизационно чужой. А мирно сосуществовать — значит надёжно заблокировать идущее из нее влияние чужого. Прежде всего, культурно чужого.

Когда-то нечто подобное называлось изменением формы классовой борьбы — с вооружённой на идеологическую. Теперь вместо «классовой» предстоит подобрать более подходящее слово. Возможно, уже подбирают.

Наталья Шарина — не русофоб и не украинофил (судя по некоторым публикуемым сведениям, скорее, наоборот). Не украинка, а русская. И потому ее задержание воспринимается сигналом — проникновение украинства в Россию допущено не будет. Ни осуществляемое сознательно, ни по неведению либо служебному недосмотру. Ни в виде украинских представлений о «нашей общей истории», ни в каком-либо другом. В любом случае будет квалифицироваться как экстремизм либо ему пособничество.

Гипотеза, повторяю.

Ещё о системе и кадрах (12 ноября). Обратил недавно внимание, о чем уже писал, на сообщение о том, как в Украине проходят конкурсы на должности руководителей госкомпаний. Конкурсы проводятся, чтобы убрать ставленников бывших чиновников и олигархов, но заявки на участие ни от кого, кроме ставленников бывших чиновников и олигархов, не поступает. А теперь прочитал о конкурсах на должности прокуроров [Луценко 2015]. По информации Юрия Луценко, председателя президентской партии и лидера ее парламентской фракции, 75 процентов заявок — от действующих работников прокуратуры, большинство которых, по его оценке, «научились только возбуждать дела и их продавать». И получается, что в стране масса людей с юридическим образованием, но желания заменить проворовавшихся правоохранителей они не обнаруживают.

Интересно, что думают об этом украинские коллеги. Я же склоняюсь к тому, что не только постсоветская власть, но и постсоветское общество, властью недовольное, в самом себе не находит ресурсов для ее трансформации. Даже в Украине, где оно сумело показать

⁷ Региональные выборы проходили в Украине 25 октября 2015 г.

⁸ Директор московской Библиотеки украинской литературы Наталья Шарина была задержана с последующим возбуждением в отношении нее уголовного дела после проведённого в книгохранилище 28 октября обыска и изъятия «документов, электронных носителей, некоторой литературы и печатных публикаций, в которых могут быть обнаружены следы русофобской пропаганды, а также сведения, искажающие исторические факты» (Известия. 2015, 31 октября).

образцы гражданской самоорганизации на Майдане, в волонтерском движении и обороне страны. Вписываться в государственную организацию ради ее очищения и обновления и украинское общество, похоже, не очень настроено.

Насчёт того, что надо менять систему, а не отдельных людей в системе, в Украине почти консенсус. Популярна эта мысль и в российских оппозиционных кругах. Но при таком акценте идея демонтажа системы рискует остаться звонкой ритуальной фразой, адресованной той же системе, которую хотелось бы демонтировать. Для ее преобразования требуются как раз люди, много людей, не прошедших в ней школу служебного распутства. И это-то и оказывается проблемой, для постсоветского типа социальности чрезвычайно сложной. Украина ее обнажила, и очень важно для всего постсоветского пространства, сумеет она с ней справиться или нет.

Если справится, будет прецедент и опыт, если нет... Каждый может дописать это предложение по своему усмотрению и разумению.

О профилактике против вируса украинства (23 ноября). После задержания Натальи Шариной, директора Московской библиотеки украинской литературы, высказал предположение, что это может быть симптомом перехода к «мирному сосуществованию» с ушедшей Украиной, а «мирное сосуществование», как известно, это «обострение идеологической борьбы» против вредоносных внешних влияний — в том числе, культурных. И, похоже, процесс пошёл.

Посмотрел по ТВ программу «Право голоса» [Право 2015]. Усилиями десятка людей, включая ведущего, в ней доходчиво доводилась до зрителей мысль, что современная Украина без России — это ужас, ужас, ужас. Страна, где у власти «банда», обокравшая население, чинящая внесудебные расправы и не наказывающая преступников, где люди готовы перестрелять друг друга, где массовое бегство за границу, где выборы ничего не решают, где в головы вбиваются мифы о Голодоморе, о формирующейся украинской гражданской нации и всякая прочая ложь. Общее впечатление: противостояние украинству покруче, пожалуй, чем коммунистическое противостояние американизму.

При этом ведущий Роман Бабаян пресекал любые сопоставления с Россией, исходившие от двух-трех приглашённых на передачу «майданных» украинцев, как пресекал их выступления и в других случаях. Пресекалось все, что диссонировало с изначально заданной высокомерно-спесивой интонаций, подчёркивающей превосходство всего российского над всем украинским, безосновательно и карикатурно претендующим на движение к европейскости.

Конечно, все это было на российском ТВ и раньше. Но во время войны акцент был на «распятых младенцах» и прочем кровавом зле, воюющем с миролюбивыми силами добра. А теперь, когда война подухнула, акценты смещаются, приводятся в соответствие с тем, что когда-то именовалось идеологической борьбой в условиях мирного сосуществования. Предлагаю, какие масштабы профилактики против вируса украинства ждут нас впереди.

Особенно, если европеизация Украины пойдёт быстрее и успешнее, чем сейчас.

О двух безличных нормах (27 ноября). Послушал диалог двух известных украинских журналистов Сергея Рахманина и Мустафы Найема [Диалоги 2015]. Оба люди с Майдана, а Найем один из его инициаторов. Говорили о том, почему так, как хотелось, в стране не получается. Прежде всего, в государственном управлении. Мысль прозвучала такая: пока на госслужбе не установилась зависимость между преступлением и наказанием, пока первое не влечёт за собой неотвратимо второе, и люди знают, что не влечёт, существенно ничего не изменится.

Это о том, что безличная правовая норма не утверждается. Притом, что Майдан был за верховенство права, притом, что закон о противодействии коррупции ещё в прошлом году

был принят. Это значит, что по-прежнему работает механизм личных отношений, при котором исполнение служебных функций опосредовано именно этими отношениями, обслуживающими частные интересы. Но взаимовыгодные личные отношения — тоже безличная норма, действующая принудительно, как обычное право, и определяющая служебное соответствие либо несоответствие. Как заменить одну безличную норму, укоренённую в традиции и ценностях, другой безличной нормой, ни в чем не укоренённой?

В Украине пробуют подступиться к общей проблеме в одном, отдельно взятом одесском регионе, где смена норм провозглашена приоритетной задачей, в отношении которой все другие производны. Что получается у Саакашвили, сказать не могу — знаю только, что продолжает взывать из телестудий к общественности, сегодя на препятствия. Коллеги из Одессы наверняка осведомлены лучше — хорошо, если бы рассказали, что там и как.

А ещё вот прочитал: «Как только в Украине состоятся три-пять серьёзных уголовных процессов над ранее неприкосновенными лицами, процесс изменения украинской уголовной юстиции приобретёт необратимый характер» [Страна 2015]. Не кто-нибудь написал, а председатель президентской партии и руководитель ее парламентской фракции Юрий Луценко. Будут ли такие процессы, учитывая, что действующая безличная внеправовая норма заставляет считаться с собой и политиков, желающих заменить ее нормой правовой?

Но ведь если даже будут, эффект их воздействия заранее не предрешён. Потому что в обществе атака на системообразующую норму во имя нормы иной может быть воспринята как сведение счетов одних кланов с другими. И тогда вместо общественной консолидации против системного порока углубятся трещины общественного раскола.

Трудная, очень трудная задача решается сегодня украинцами. Решат — создадут прецедент, важный для всего постсоветского пространства. Поэтому успеха им.

О вербальной войне с грандами (6 декабря). Саакашвили продолжает наступательную вербальную войну с коррупцией. Сегодня назвал поимённо грандов — политиков и олигархов, по вине которых казна лишается миллиардов долларов. Суммы ущерба, нанесённого каждым, тоже назвал. Они тоже миллиардные [Саакашвили 2015]. Последует ли реакция правоохранителей?

Одесский губернатор возбуждает общественное мнение, без поддержки которого акции, вроде итальянской операции «Честные руки», невозможны. Но при отсутствии реакции эта война может превратиться в привычную часть публичного пейзажа и восприниматься примерно так же, как в России в 90-е стала восприниматься «война компроматов». Она лишь укрепила веру людей в бесплодность таких войн.

Не думаю, что Саакашвили суждено долго играть роль производителя бессмысленных шумовых эффектов. Да и его самого она в перспективе вряд ли устраивает. Напомню, кстати, что в ближайшем окружении Порошенко (об этом я уже писал) открыто говорят о предстоящих показательных процессах над «неприкосновенными». Так что сегодняшние обличения что-то, возможно, предвещают. По меньшей мере, начало их расследования.

Ещё об украинской коррупции (8 декабря). Возвращаюсь к позавчерашней атаке Саакашвили на поименованных им украинских грандов, которых он обвинил в коррупции и других правонарушениях, обернувшихся миллиардами долларов ущерба для казны. Правоохранители отреагировали, пообещав разобраться. Руководство президентской парламентской фракции обязало премьера Яценюка, тоже фигурирующего в списке Саакашвили, ответить на обвинения в Верховной Раде (заседание будет 11-го декабря в пятницу), ответ обстоятельно документировав [Луценко 2015a]. И ещё призвало вербальную публичную войну с коррупцией завершать, переводя ее в институциональную плоскость, благо соответствующие специальные структуры для этого созданы [Луценко 2015b].

Речь идёт о законодательном учреждении Национального антикоррупционного бюро, автономного от существующей правоохранительной системы и наделённого широкими полномочиями в обнаружении и досудебном расследовании коррупции высших должностных лиц, а также антикоррупционной прокуратуры, полномочной контролировать следственные действия антикоррупционного бюро. Структуры эти уже сформированы, руководители после предварительных открытых конкурсов назначены, часть персонала прошла курс обучения на Западе. Тем, кто не знает, скажу: Украина в данном отношении идёт по пути, опробованному в странах Восточной Европы и Балтии — институциональное блокирование коррупции было одним из условий принятия этих стран в Евросоюз. И ещё хочу сказать, что некоторые российские эксперты предлагали в свое время создать аналогичные структуры президенту Медведеву. Но он, хоть и проявлял заинтересованность в противоборстве коррупции, создание независимых институтов вне действующей правоохранительной системы исключил категорически.

Удастся ли в Украине разрубить таким образом гордиев узел коррупционных связей и повязанностей? Получится ли у того же антикоррупционного бюро сохранить автономию, которой оно наделено законом, и устоять перед политическим, административным и олигархическим давлением, избежать которого почти наверняка не удастся? Ведь речь идет, как я уже не раз отмечал, о постсоветском чиновно- и олигархозависимом социуме с определенным типом культуры, для которого подчинение безличной правовой норме, мягко говоря, не императивно.

Схожие законы и структуры в разных культурах действуют с разными степенями эффективности, что сразу же дало о себе знать в посткоммунистических странах после их евроинтеграции. Например, эффективность антикоррупционных институтов в Словении и Эстонии изначально была значительно выше, чем в Болгарии или Румынии. А в Украине к тому же и институциональные преобразования ещё не завершены: ведь коррупционные преступления надо не только выявлять и квалифицированно расследовать, надо еще, чтобы после следствия выносились справедливые приговоры судов. При существующей в Украине судебной системе это сомнительно, ее предстоит реформировать, но необходимые законы Верховной Радой ещё не приняты.

Они, скорее всего, будут приняты. Тем более, что Европа и США ставят поддержку Украины в прямую зависимость от того, насколько быстро и успешно будет она освобождаться от «раковой опухоли коррупции», как выразился во время визита в Киев американский вице-президент Байден. А как дело пойдёт дальше, т. е. после того, как все необходимые институты будут хотя бы в первом приближении выстроены, выяснится только тогда, когда пойдёт дальше.

2016 год

Об украинском политическом кризисе (27 марта). Мне уже приходилось писать, что в Украине испытывается на жизнеспособность парламентско-президентская форма правления. На постсоветском пространстве она нигде до сих пор не использовалась, да и в других странах используется очень редко. Потому что в ней заложен институциональный конфликт между избираемым населением и наделяемым значительными полномочиями президентом и главой правительства, формируемого парламентским большинством. А если большинство коалиционное, то и конфликт внутри коалиции с перспективой ее развала, лишаящего правительство депутатской поддержки.

Почему в Украине пошли по этому пути, на котором в свое время не раз спотыкался и так и не сумел устоять президент Ющенко? Потому что столкнулись с президентским моно-

полизмом в лице Януковича, превращавшим государство в вотчину. А теперь вновь столкнулись с конфликтогенностью парламентско-президентского правления, обернувшейся распадом правящей коалиции и политическим кризисом.

Из него можно выйти либо через образование новой реформаторской коалиции, либо через досрочные выборы. Образование новой коалиции соответствовало бы национальным интересам страны, нуждающейся в продолжении системных преобразований. Внеочередные выборы означали бы их свёртывание на несколько месяцев и нарастание политической нестабильности при неочевидности послевыборной стабилизации. По данным украинских социологов, состав парламента принципиально не изменится — какие-то партии наберут чуть больше мандатов, какие-то чуть меньше, партии «Народный фронт», возглавляемой премьер-министром Яценюком, в Верховной Раде может не оказаться вообще, но сформировать коалицию будет, скорее всего, не проще, а, быть может, ещё сложнее, чем сейчас.

Украина переживает столкновение национальных интересов и партийных эгоизмов, либо не желающих брать на себя ответственность за болезненные преобразования, либо желающих их заблокировать, либо укрепить свои слабые сегодня политические позиции. И это столкновение производно, в том числе, и от парламентско-президентской формы правления. Выдержит ли она напряжение, проявит ли жизнеспособность, обнаружит ли реформаторский потенциал для системной модернизации страны, важно не только для Украины. Как и многое другое, в ней происходящее, это важно для всего постсоветского пространства, где президентское правление синонимично авторитаризму, а правление парламентское, кроме стран Балтии, не находит для себя соответствующей ему политической культуры.

Ещё об украинском политическом кризисе (2 апреля). Спрашивают иронически, не поубавило ли происходящее в Украине мой в отношении нее оптимизм. Отвечаю: оптимизм этот изначально проистекал из представления о перспективности избранного соседней страной европейского вектора и его поддержки украинским обществом. Такая поддержка почти повсеместно сохраняется — в том числе, и в расколовшемся большинстве Верховной Рады, что уже несколько недель препятствует формированию правительства. Она же не относительно вектора раскололась, вопрос о европейском выборе под сомнение никем публично не ставится.

Раскол вызван малой результативностью продвижения к цели, а не самой целью. А малая результативность производна от неподатливости для преобразования постсоветской политико-экономической и административной системы. Той, которая четверть века выстраивалась на приватизировавших государство частных и групповых интересах крупного бизнеса и сращенных с ним внутренне консолидированных корпораций (чиновной, прокурорской, судебной, армейской и прочих). Послемайданная власть, испытывая, помимо прочего, и кадровый голод, пыталась сочетать реформирование системы с учётом этих интересов, из чего мало что получилось. Частичные новшества, в систему привнесённые, при сохранении ее базовых параметров обернулись слабой управляемостью, экономическим спадом, недовольством населения и, как следствие, вызвавшим политический кризис распадом правящей парламентской коалиции, часть которой тоже вписана в старосистемные корпорации.

Насколько могу судить, вопрос сегодня не только и не столько в том, удастся ли собрать новую коалицию. Ход событий подводит к выводу, что прежняя реформаторская стратегия себя исчерпала. Стратегия балансирования между гражданским обществом, считающим ее духу Майдана не соответствующей, требованиями западных союзников, темпами и качеством преобразований недовольных, и влиятельными группами интересов, преобразования эти блокирующих.

Не знаю, готова ли Украина к смене стратегии. Пока она сумела, как никто до нее, обнажить в предельной конкретности сложность системного реформирования постсоветского

социального порядка. Но у нее и сейчас больше, чем у любой другой страны постсоветского пространства, оснований претендовать на лидерство в его модернизации. И потому сохраняю пока оптимизм. Ещё не вечер.

О логике реформирования постсоветской системы (16 апреля). В Украине после двухмесячного политического кризиса сформировали новое правительство во главе с Владимиром Гройсманом. Смотрю на это под прежним углом зрения, т. е. с точки зрения логики реформирования систем постсоветского типа с приватизированной государственностью. Логика, которая нигде ещё не описана, украинцам предстоит открыть (или не открыть) ее на собственном опыте проб и ошибок.

Мы не знаем, можно ли было осуществить системные преобразования на волне майданной революции, переведя ее в форсированные революционные реформы. Учитывая, что революция парализует частные и корпоративные интересы, которые обслуживались системой прежней, такое можно себе представить, но послереволюционное украинское руководство этим путём не пошло. То ли война тому причиной, то ли, помимо нее, и что-то ещё — вопрос интересный, но я не ощущаю в себе готовности всерьёз его обсуждать.

Предпочтение было отдано поэтапному выстраиванию новых институтов в режиме компромисса между гражданским обществом, настроенным революционно, западными партнерами, готовыми считаться с трудностями реформаторов, но не ценой превращения реформ в их имитации, и теми частными и корпоративными эгоистическими интересами, которые надеялись приспособить изменения к себе. То есть обновить систему на свой лад, существенно ее не меняя и сохраняя в ней прежние позиции. И по мере того, как волна революционных настроений и ожиданий спадала, сопротивляемость этих интересов возрастала, и со временем стало очевидным, что рубеж, обозначаемый словом «коррупция», консолидировавшиеся группы «олигархов», чиновников, прокуроров, судей просто так не сдадут.

Это и обернулось, в конце концов, политическим кризисом, выявившим исчерпанность стратегии компромисса. Ее реализация не могла не вести к застреванию между старой и новой системами, которому не могли не сопутствовать экономический спад, растущее недовольство населения и его разочарование в политических лидерах страны. Что, в свою очередь, не могло не сопровождаться распадом правящей реформаторской коалиции, выходом из нее партий, рассчитывающих это недовольство оседлать.

Реформаторы искали реалистичную меру реформирования, которая устроила бы всех — и западных партнёров, и гражданских активистов, и старосистемные группы, но меру эту не нашли, а позиции свои в процессе поиска успели ослабить в глазах и первых, и вторых, и третьих. И, тем самым, себе и другим дали возможность сказать нечто конкретное о логике преобразования систем постсоветского типа. А именно, что использованная стратегия компромисса на каком-то этапе реформы блокирует, отсутствие же их осязаемых результатов начинает популистски толковаться как их свёртывание либо изначальное отсутствие вообще и рано или поздно приводит к политической дестабилизации.

Что ещё можно сказать об этой логике на основании украинского опыта? На ее основании можно сказать, что успех популистов такая дестабилизация не предопределяет. А больше пока ничего.

В первых заявлениях нового премьер-министра Украины улавливается решимость стратегии компромисса противопоставить стратегию иную, но какую именно, станет ясно позднее. К тому же от правительства зависит не все, одно оно успешно противодействовать старосистемной сети интересов не сможет. И потому мне лично представляется чрезвычайно важным, чем закончится нынешнее противостояние по поводу кандидатуры нового генпрокурора — станет ли им представитель прокурорской корпорации или предпочтение будет отдано человеку со стороны. Ведь именно прокуратура стояла до сих пор на страже староси-

стемной институциональной гнили, сама будучи внутри нее и обеспечивая ее правовую неприкосновенность. Да и деятельность созданных уже специальных антикоррупционных структур, о которых мне в свое время приходилось писать, при такой прокуратуре не может быть результативной.

О вакансии Генерального прокурора (30 апреля). Я не раз и не два упоминал о той роли, которую суждено сыграть послемайданной Украине в эволюции постсоветского пространства. Это политический полигон, на котором испытывается возможность трансформации государства, приватизированного частными и групповыми интересами, в государство правовое без революционной смены элит. Пока украинский опыт поучителен не столько результативными решениями, сколько обнаружением на пути трансформации трудноразрешимых проблем.

Пошёл второй месяц после того, как Верховная Рада проголосовала за отставку прежнего генпрокурора Шокина. Оставленное им место до сих пор остаётся вакантным, кандидатуру нового прокурора политики согласовать не могут. В чем проблема? Она в том, что системное преобразование правоприменения требует на этой должности профессионала, от частных и групповых интересов, включая интересы самой прокурорской корпорации, независимого, а зависимого только от закона. Между тем, политическим, экономическим и административным элитам, повязанным наследием приватизированного государства и не желающим от него отказываться, такой прокурор противопоказан. Поэтому должность так долго остаётся незанятой.

Рано или поздно кто-то ее, конечно, займёт. Но от того, кто это будет, в значительной степени зависит вектор послемайданной эволюции страны. Фигура нового генпрокурора выявит — ни много, ни мало — реформаторский потенциал старосистемных элит. Равно как и потенциал воздействия на них Брюсселя и Вашингтона. Равно как и наличный реформаторский ресурс постсоветского украинского общества. А косвенно — не только украинского, но и постсоветского вообще.

О постсоветской системе и Генеральной прокуратуре (13 мая). В Украине новый Генеральный прокурор Юрий Луценко, до того возглавлявший фракцию президентской партии в Верховной Раде. Человек не из прокурорской корпорации, назначенный вопреки ее сопротивлению. Что понятно: человек этот не раз заявлял, что большинство в этой корпорации «научилось только возбуждать дела и их продавать».

Назначению предшествовало инициированное президентом Порошенко и после нескольких неуспешных попыток проведённое через Раду изменение закона — в прежнем виде он не позволял Луценко, не имеющему юридического образования, получить высшую прокурорскую должность. Тем самым его назначение стало актом из разряда чрезвычайных. Учитывая, в том числе, и другие законодательные поправки, расширяющие возможности генпрокурора в осуществлении кадровых изменений.

В принципе это соответствует сложившейся в стране ситуации — и в Украине, и в поддерживающих ее странах Запада есть общее понимание, что прокуратура, наряду с судебной системой, оказалась едва ли не главным препятствием в преобразовании постсоветской государственности, приватизированной частными и групповыми эгоизмами, в государственность правовую. Однако многие вчерашним назначением не довольны. Прежде всего, потому, что Луценко — ставленник президента, а потому не может не быть инструментом его политических интересов и проводником его политической воли.

Что ж, в таком случае как раз и выяснится, насколько эти интересы и эта воля соотносятся с утверждением верховенства права, с трансформацией власти денег и статусов во власть закона. Не раз говорил и повторю: происходящее в Украине рассматриваю в перспективе системных преобразований на всем постсоветском пространстве.

Об украинской судебной реформе (3 июня). Недавний затяжной политический кризис в Украине многих наводил на мысль, что ее европейский проект увяз в неподатливой для изменений постсоветской социальности, сжившейся с неправовой властью денег и статусов и потенциально отзывчивой к антивластной популистской риторике. Похоже, однако, что кризис этот стал импульсом и для наступления на частные и корпоративные интересы тех, кто приватизировал государство, и для нейтрализации популизма. Тому и другому была противопоставлена ориентация на право и его институциональное обеспечение.

Вряд ли кто рискнёт сегодня уверенно утверждать, насколько удастся новому генпрокурору за обещанный им год очистить прокуратуру от разложившей ее коррупционной скверны. Но и представить себе, что такое очищение мыслимо при генпрокуроре из прогнившей прокурорской корпорации, не поможет даже очень развитое воображение. Так что можно говорить, что на этом направлении первый шаг к системному реформированию постсоветской неправовой государственности в Украине сделан.

А вчера произошёл сдвиг и на другом направлении — судебном. Верховная Рада проголосовала за изменения в Конституции, касающиеся правосудия и судоустройства. Принята также новая редакция закона «О судоустройстве и статусе судей». Не буду пересказывать содержание этих документов — при желании с ними можно ознакомиться. Скажу только, что влияние на судебную власть и ее кадровый состав президента и парламента существенно ограничивается, вводится конституционная норма о квалификационной оценке судей и их конкурсном отборе, что приведёт к значительному изменению их состава, законодательно закрепляются жёсткий контроль над их доходами и расходами. Опять же никто достоверно не скажет, насколько все это будет результативно, насколько новые правовые институты смогут противостоять доминирующей неправовой культуре и способствовать ее трансформации. Однако скептикам можно заранее возразить, что не только культура влияет на формальные институты, их к себе приспособлявая и себе подчиняя, но и институты влияют на культуру, без их обновления она меняться не может, а мера их возможного воздействия на нее только при таком обновлении и может выявляться.

Украинская судебная реформа — завершающее звено в цепи преобразований, призванных институционально обеспечить то, что именуется противодействием коррупции. В прошлом году, напомним, было законодательно учреждено и создано Национальное антикоррупционное бюро, автономное от существующей правоохранительной системы и наделённое широкими полномочиями в обнаружении и расследовании коррупции высших должностных лиц. Однако коррупционные преступления надо не только выявлять и квалифицированно расследовать — надо ещё, чтобы после следствия суды выносили справедливые приговоры, что при существовавшей до сих пор судебной системе было, мягко говоря, сомнительно. Теперь эта система будет в Украине изменена, причём дела, подследственные антикоррупционному бюро, будет рассматривать учреждённый для этого Высший антикоррупционный суд. С выводом насчёт того, как все пойдёт дальше, и в данном случае спешить не стану, но не устану повторять многократно говоренное: происходящее в Украине — это живой, на наших глазах складывающийся опыт реформирования постсоветской государственности и постсоветской социальности, поучительного и успехами своими, и неудачами.

В этой системе, как показывает история постсоветских государств, правовая субъектность сама собой не прорастает. И Украина здесь не исключение. Но у Украины есть один плюс, который принято считать минусом. А именно — ее полная зависимость от Запада, его экономической и политической поддержки. А тот выдвигает жёсткие условия такой поддержки, в числе которых — создание правовой государственности. И осознание этой зависимости перекрывает конфликты интересов и политические разногласия, кажущиеся непримиримыми, в результате чего за вчерашние конституционные поправки и проголосовало 335 де-

путатов из разных, в том числе, и оппозиционных, фракций при всего семи голосах против и нескольких десятках воздержавшихся.

О реформах и культуре (8 августа). В Украине обсуждают вопрос о том, как сделать так, чтобы реформы, ориентированные на иностранные (западные) образцы, не утекли в песок, чтобы не были отторгнуты украинской социальной и культурной почвой, чтобы пустили в ней корни, прижились и принесли доброкачественные плоды. Специально посмотрел под этим углом зрения на запускаемые реформы образования (в начальной школе она частично начнётся уже в этом учебном году) и здравоохранения. И вот что увидел [Лилия 2016].

В том и другом случае ориентиры западные (к тому же новый министр здравоохранения — американка украинского происхождения, три последних года живущая в Украине, с американским медицинским образованием и большим врачебным и управленческим опытом работы в США). И в том и другом случае реформы, инициируемые командами профессионалов сверху, осуществляются и будут осуществляться при осознанном отказе от формально-бюрократического принципа их проведения. То есть, ради соотнесения привносимых извне моделей с местной социальной средой ревизуется принцип, для этой среды системообразующий.

Главными фигурами и объектами своего внимания реформаторы провозгласили тех, кто учится или лечится, а основную ставку сделали не на чиновников, а на общество и его поддержку. И, прежде всего, на тех, кому в ходе реформ многое в своей деятельности придётся изменить, а также тех, кто непосредственно заинтересован в их успешности. На постоянный диалог с учителями, родителями и работодателями, с врачами и пациентами. Полагая, что только так можно укоренить привносимое, изначально и по ходу привнесения корректируя его мнениями людей, которым к привносимому предстоит адаптироваться. Можно сказать, что речь идёт об изменении культуры посредством изменения институтов совместно с теми, кто сформировался в культуре прежней.

Очень интересно, как все пойдёт и что получится, т. е. насколько воплощение, рассчитанное на несколько лет, совпадёт с замыслом. Но, увы, в России, насколько могу судить, сегодня это не интересно никому.

О превращении постсоветского государства в правовое (22 августа). Одна из проблем, с которой столкнётся любое постсоветское государство, вознамерившись стать правовым, — проблема правового преодоления беспредела самих правоохранителей. На примере Украины, жёстко прессуемой Западом за недостаточно целеустремлённое противодействие коррупции, это хорошо видно. Скажем, недавно задержали с поличным судью за 150-тысячную (в долларовом исчислении) взятку [Арест 2016]. Однако арестовать его не могут, у него по Конституции судейский иммунитет. Разрешение может дать Верховная Рада, но она на каникулах. А судья этот, если захочет, может свободно выехать из страны и укрыться за границей, препятствовать ему никто не вправе.

Что будет дальше в данном конкретном случае, не знаю. Но хочу верить, что после введения в действие уже принятых конституционных поправок, исключающих подобные казусы и обеспечивающих реальную независимость судей от других ветвей власти и уже на этом базовом принципе судейский иммунитет частично ограничивающих, проблема эта уйдёт в прошлое. Хочу верить также, что такое ограничение (оно предусмотрено при предъявлении обвинений в том же взяточничестве, не касаясь выносимых судьями решений — даже ошибочных) на независимости судебной власти не скажется. И надзаконный «иммунитет», предоставляемый за политические услуги (упомянутый судья-взяточник их оказывал не только домайдаанным, но и послемайдаанным властям), тоже, похоже, перестанет действовать. Но пока остаётся открытым вопрос, будут ли дела, возбуждаемые против судей и других должностных лиц разных рангов, сопровождаться после следствия обвинительными приговорами.

Учитывая, что кадровый состав судей пока, в основном, остаётся прежним, запущенная судебная реформа до его очищения ещё не добралась.

Как бы то ни было, в Украине испытываются возможности старой элиты, сформировавшейся в постсоветской коррупционной системе, по части демонтажа этой системы и ее трансформации в правовую. Равно как выясняется и то, насколько эти возможности могут быть увеличены давлением на эту элиту Запада при ее экономической и политической зависимости от него. А что касается российских оппозиционных политиков, обещающих в случае прихода к власти одолеть коррупцию, то я почему-то не уверен, что они отдадут себе отчёт в том, что означает на деле, а не на словах преобразование постсоветского государства в правовое.

О принципах, процессах и результатах (26 августа). Давно и постоянно пишу о том, как в Украине пытаются одолеть коррупцию. О том, как прокуратуру реформируют, какую запустили судебную реформу, какие новые структуры создают, какие проблемы возникают и как решаются либо не решаются. На днях тоже написал. И в очередной раз обратил внимание на реакцию.

Люди щедро делятся не своим мнением об украинском опыте, который им, похоже, не интересен, а своим знанием о причинах, системную коррупцию рождающих, а также об общих принципах, без следования которым коррупция неодолима. Кто-то говорит о решающей роли общества в противодействии ей, кто-то о гарантиях права собственности, кто-то акцентирует роль культуры. А как это все соотносится с реальным процессом в Украине, не говорит никто.

Потому, возможно, что тип мышления такой, в котором внимание к процессам, к эмпирике исторического движения отсутствует, будучи вытесненным сосредоточенностью на абстрактных принципах и достигнутых (благодаря следованию этим принципам) где-то и когда-то результатах. Но я уже напоминал о том, что представление о результате без представления о пути, к нему ведущем, Гегель в свое время назвал трупом. И не думаю, что эта мысль устарела.

Помню, как воспринимались в России реформы в странах Восточной Европы после падения в них коммунистических режимов. Никак они не воспринимались, особенно в тех аспектах, которые касались трансформации политических и правовых систем. А потом, когда страны эти оказались в Европейском Союзе, к достигнутым ими позитивным результатам стали апеллировать, как производной от правильных принципов. А то, что **между** принципами и результатами, то, что проявлялось в виде дорожных карт движения к цели и самого многолетнего трудного движения в разных культурах и при неодинаковой зрелости гражданского общества, осталось вне российского интеллектуального опыта.

Похоже, в этой ориентации на принципы, правильность которых подтверждена результатами других стран, при невнимании к процессам превращения принципов в результаты — одна из особенностей российской культуры. И проявляется она не только у тех, кто успешный чужой опыт наделяет универсальным смыслом. Она проявляется и у тех, чьё внимание сосредоточено не на чужом, а на своем — особенном и самобытном. Желаемый результат введён в их сознание не в виде чужих достижений, а как образ великого прошлого своей страны. Но прошлое в будущее не переносимо, а потому говорить о внимании к процессу превращения принципов в результаты в данном случае тем более не приходится.

Об украинской системе обнародования доходов (31 октября). В Украине вчера был последний день подачи деклараций о доходах, расходах и имуществе должностных лиц и их семей в систему электронного декларирования, созданную в этом году⁹. Система появилась в

⁹ Об особенностях этой системы см.: Закон об электронном декларировании... 2016.

ответ на требование Евросоюза, обусловившего предоставление Украине безвизового режима ее запуском. Зарегистрированы декларации государственных служащих, включая президента, главу правительства, чиновников высшего ранга, депутатов. Суммы порой впечатляющие — до сотен тысяч и миллионов долларов и евро, как и объемы недвижимости. Уклониться от подачи деклараций невозможно, за сокрытие доходов и их источников предусмотрена уголовная ответственность.

Каков будет антикоррупционный эффект этого начинания в постсоветской коррупционной системе, учитывая ее приспособляемость без ущерба для себя к любым новшествам, сказать пока трудно. Как трудно предусмотреть и реакцию населения, получившего возможность сравнивать свои доходы с доходами тех, кто им правит и кого оно выбирает для представительства своих интересов во власти. Но без таких починов очищение власти Украине, как и любой стране постсоветского пространства, уж точно не светит. Не бывает процесса без начала.

О движении от воровской власти к власти права (11 ноября). В Украине завершился полуторогодовой одесский эксперимент Саакашвили — президент Порошенко удовлетворил его просьбу об отставке с поста руководителя Одесской областной администрации. В свое время эксперимент этот казался мне заслуживающим внимания: энергичный и амбициозный губернатор намеревается при поддержке Киева и Вашингтона прорваться в отдельно взятом регионе из неправовой постсоветской социальности, малопоплатливой для реформирования, в социальность правовую, превратив регион в локомотив системных преобразований. Увы, не получилось. Мне трудно из Москвы разобраться в том, что тому стало причиной: неготовность к такой роли Саакашвили или бесперспективность такого пути. Но что эксперимент закончился провалом, — это факт. И остаётся удовлетвориться тем, что отрицательный результат — тоже результат.

Добровольная отставка Саакашвили случилась сразу после того, как чиновники, депутаты и другие должностные лица в специально созданной для этого электронной системе задекларировали свои доходы и недвижимость. Это тоже очередной шаг в направлении, в отдельно взятом регионе оказавшемся тупиковым. Шаг, мотивированный требованием Евросоюза, который в обмен на поддержку Украины хотел бы видеть ее продвигающейся от неправовой социальности и государственности к правовой.

Предъявленные в декларациях объёмы денежной массы и прочего богатства шокировали не только украинское общество, но и публику за рубежом. Заговорили об отсутствии в стране национальной элиты. О том, что ею правят воры — выбранные либо назначенные. Но что дальше? Пишут, что сильное и организованное давление со стороны населения с требованием очищения власти вряд ли ожидаемо: люди, по наблюдениям некоторых психологов, гасят возмущение возросшим самоощущением своей собственной честности и неподкупности, психологически и этически отстраняясь от чиновников, правоохранителей и депутатов, как от совокупной скверны. А сама власть обещает проверить, законно или нет приобреталось финансовое либо имущественное богатство. Напомню, что специальные структуры для такого рода действий — вроде бы независимые — созданы раньше.

Что из этого получится или не получится, скоро, наверное, узнаем. Не устаю повторять: украинский опыт продвижения к власти права — и успешный, и провальный — важен и поучителен для всех постсоветских стран. Если, конечно, исходить из того, что и они когда-нибудь захотят иметь не воровскую национальную элиту.

Об украинском опыте и идеологах российской реформации (13 ноября). Начинаю, кажется, понимать, почему российские прогрессисты не жалуют своим вниманием происходящее в Украине. Я не столько Донбасс даже имею в виду, сколько попытки соседней страны выбраться из постсоветской социальности — чиновно- и олигархозависимой — в правовую.

Потому что тогда пришлось бы задуматься о конкретном и контекстном смысле слов, которые они повторяют в разных комбинациях (демократия, свобода, модернизация, национальное государство, конкуренция, законность и многие прочие), не как о конечных целях реформации, а как о способах продвижения к ним в элитной и массовой среде, такими целями не воодушевляющейся.

Украинский опыт все эти слова применительно к постсоветским реалиям проблематизировал, после чего их здешние назойливые повторения выглядят даже не интеллектуальным насилием над этими реалиями, о **котором я недавно писал**, а свободным и гордым над ними парением. А когда отсутствие контакта с тем, что дано в ощущениях, начинает все же замечаться, вместо проблематизации понятий предлагается удлинение их перечня внесением в него слов, представляющихся более контактоспособными («русский мир», «мировое лидерство», российская европейскость, «совместившая традиции восточного христианства с традицией евразийской степи»). Это я об очередном докладе «Открытой России» Ходорковского о «пяти шагах в будущее» [Россия 2016].

Пояснили бы лучше, как собираются строить то же правовое государство в стране, где оно почти никем не востребовано, и где большинство людей не представляет себе толком, о чем конкретно идет речь. Или рассказали, как собираются решать эту проблему отсутствующего правосознания в ходе «культурной революции» (еще один термин, которым обогащен перечень шагов в будущее). А я, признаюсь, поймал себя на том, что при знакомстве с украинским опытом, обнаружившим колоссальный потенциал сопротивляемости постсоветских неправовых государственных систем их преобразованию в правовые, такие тексты читать уже не могу.

Об украинских реформах (27 ноября). В Украине отметили годовщину, прошедшую с момента ее отказа от покупки газа у российского Газпрома¹⁰. В возможность этого в мире ещё пару лет назад никто не верил, но оказалось, что невозможное возможно. Судя по украинскому интернету, многие в стране видят в таком успехе основание для уверенности, что и все другие реформы у Украины получатся. Но, если опять же судить по социальным сетям, настроения у украинцев разные, и у большинства из них чувство неудовлетворённости подавляет надежды на улучшения.

Европейские политики считают, что реформы в Украине идут [Эрлер 2016]. Руководитель группы международных советников Лешек Бальцеревич считает, что идут, но медленно и не без ошибок [Бальцеревич 2016]. Известные украинские блоггеры ссылаются в подтверждение на цифры, свидетельствующие о двухпроцентном росте ВВП после пятнадцатипроцентного падения, о трехкратном за два года увеличении золотовалютных резервов, о сокращении за тот же период инфляции с 65 до 8 процентов. И ещё напоминают о начавшемся и продвигающемся реформировании правоохранительной и судебной систем, равно как и о сдвигах на других направлениях, о чем я в своих заметках тоже писал. Но большинству людей эти констатации оптимизма не добавляют.

Кто-то пишет, что номинальный рост ВВП сам по себе ни о чем не говорит, надо смотреть рост реальный, где динамика якобы остаётся негативной. Кто-то о падении экспорта и росте внешних долгов. Но чаще всего повествуют о том, что на их жизни позитивные общие показатели никак не сказываются, что бизнес вести затруднительно, доходы ниже некуда, чиновники как воровали, так и воруют, а олигархи как правили бал, так и правят. Доверия к властям у большинства населения нет, их рейтинги продолжают падать.

Понятно, что все это усиливает оппозицию, которая, дабы стать властью, требует досрочных выборов и популистской риторикой, а порой и денежными вознаграждениями, на-

¹⁰ См. об этом: Витренко 2016.

деется вывести на улицы население, дабы того же потребовало и оно. Но пока у нее ничего не получается. А это значит, что население, будучи недовольно послемайданной правящей элитой, сформированной постсоветской неправовой системой, оставляет ей шанс систему эту демонтировать и сделать продвижение к системе правовой необратимым.

Многие действия украинских руководителей, испытывающих постоянное давление со стороны западных союзников и украинского гражданского общества, свидетельствуют о том, что того же хотят и они. Понимая, что отступать им некуда. А каков их реформаторский потенциал, судить не берусь. Как не возьмусь и оценивать, насколько они к цели продвинулись. Интересующимся могу предложить мнения на сей счет украинских аналитиков [Пекар 2016; Тихий 2016] о динамике реформ в их стране, которые сопровождаются сбоями, не всегда последовательны, но, будучи запущенными, продолжаются.

Интересно, кстати, что Бальцерович, группа которого подготовила пакет предложений по их радикализации, уверен в ее безболезненности для населения. Она, по его мнению, чувствительно затронет только интересы бенефициаров домайданной системы, в сопротивлении которых польский экономист-реформатор и усматривает главное препятствие системным преобразованиям.

О скользкой дороге к праву (9 декабря). Украина в очередной раз показывает, как может выглядеть дорога от государственности, приватизированной группами интересов, к государственности правовой. Олигарх и депутат А. Онищенко, заподозренный в крупных хищениях, успел покинуть страну до того, как Верховная Рада по запросу прокуратуры сняла с него депутатскую неприкосновенность. За границей он заявил о наличии у него записей разговоров с Порошенко о подкупе депутатов ради проведения через парламент нужных президенту законопроектов. Материалы ещё не обнародованы, какие они и есть ли они, неизвестно, но известно, что Национальное антикоррупционное бюро будет дело расследовать.

О чем это говорит? Это говорит о том, что такое движение к правовой государственности, осуществляемое элитой, которая есть продукт государственности неправовой. Повязанная своими обещаниями и совокупным давлением со стороны западных партнёров и гражданского общества, послемайданная власть инициировала реформирование правоохранительных структур и создание новых (того же антикоррупционного бюро). Показательно, что и подкуп депутатов, в котором сбежавший олигарх обвиняет Порошенко, имел отношение к принятию законов, касавшихся именно правоохранительной сферы. Эти структуры, учреждённые как независимые, могли позволить себе пренебречь связями того же Онищенко в высших эшелонах власти, включая и его доверительные отношения с президентом. И действовали так, как им положено по закону. Равно как и бездействовали — задерживать депутата до снятия с него неприкосновенности закон им не позволял. Что дало возможность обвиняемому превратиться в обвинителя.

В Украине — бурные и нервные дебаты на всех публичных площадках. Онищенко предъявлять компромат не спешит, обещая сделать это после инаугурации Трампа. Оппозиция клеймит все и вся, требуя досрочных выборов. С таким вызовом послемайданная государственность ещё не сталкивалась. Чем все кончится, никто не знает. Жизнь, однако, продолжается — вчера лишили депутатской неприкосновенности другого олигарха, который убежать из страны не счёл нужным.

О не предрешинном и не предрешаемом (11 декабря). Столкнулся ещё с одной разновидностью интеллектуального насилия над реальностью. Это когда о результатах протекающих в ней и ее меняющих процессов судят поверх тенденций, в этих процессах проявляющихся. На днях мне долго объясняли, почему тщетны попытки украинцев устроить жизнь в соответствии с принципами права. Потому тщетны, что право существует только в условиях правового государства, которое, в свою очередь, не может утвердиться в обществе, где право

не закрепились в нормах и образцах поведения, не закрепились в соответствующих институтах.

По мне, так это именно логика интеллектуального насилия, когда незавершённый процессу предписывается априори известный результат. В этой логике процессам нет места вообще, ибо в ней нет ничего, кроме чистых типов правового и неправового государств при исключённой возможности превращения неправового в правовое. В ней нет места даже вопросам о том, какие институты наличествовали, например, в неправовых коммунистических Болгарии или Румынии, позволившие им интегрироваться в Евросоюз, или, скажем, в Южной Корее в пору, когда она ещё не стала тем, чем стала. В нее, логику эту, не вписывается и такой феномен, прежним эпохам не известный, как движение неправовых государств в направлении правовых при поддержке мирового правового сообщества, частично компенсирующего дефицит институтов.

Даёт ли подобная логика основания говорить об интеллектуальном насилии над реальностью? По-моему, даёт, причём более, чем достаточные. Из чего вовсе не следует, что той же Украине заранее уготован маршрут стран Восточной Европы. Из этого следует лишь то, что в Украине наблюдается исторический процесс с противоборствующими разнонаправленными тенденциями, результат которого не предreshён.

Об Украине и ЕС (16 декабря). Отношения Украины с Евросоюзом усложняются.

С одной стороны, ЕС демонстрирует прежнюю солидарность с Киевом, продляя ещё на полгода антироссийские санкции [СМИ 2016], что можно рассматривать как поддержку украинской позиции в минском переговорном процессе и неприятие позиции российской. Кроме того, в совместном докладе Европейской комиссии и Внешней дипломатической службы Евросоюза высоко оцениваются проводимые в Украине реформы, названные «интенсивными и беспрецедентными» [В Украине... 2016]. Имеется в виду, прежде всего, реформирование законодательства и создание новых структур, способных обеспечить воплощение принятых новых законов в жизнь, что и признается главной задачей текущего этапа преобразований.

Однако обозначилась уже и другая сторона. Лидеры стран ЕС согласились вчера с требованиями Нидерландов, жители которых в свое время высказались против ассоциации Евросоюза с Украиной¹¹. В пояснение к соглашению об ассоциации, фиксирующему «общее видение» его смысла, внесён ряд оговорок насчёт того, что соглашение это не предоставляет Украине статус страны-кандидата на вступление в ЕС и не является обязательством предоставить такой статус в будущем, равно как и обязательством о военной и финансовой помощи. Принята и оговорка насчёт того, что безвизовый режим между Украиной и Евросоюзом не означает предоставления права на место жительства и работу [ЕС нашёл выход из кризиса... 2016]. Сами по себе эти поправки ничего, кроме акцентированного отрицания гарантий на будущее, которые не предполагались и до того, не означают. Тем не менее, в сочетании с очередным откладыванием сроков введения безвизового режима (на сей раз на весну будущего года) после выполнения Киевом, что давно признано и Брюсселем, всех выдвинутых перед Украиной условий ее болезненная и даже нервная реакция выглядит естественной.

Вопрос теперь в том, как скажется это в украинском обществе и его политическом классе на отношении к Европе и стратегической ориентации на европеизацию, изначально требуемую Майданом. Что касается действующей власти, для которой эта ориентация безальтернативна, то покоробившие украинцев вчерашние решения Брюсселя встраются в цепь

¹¹ На консультативном референдуме в Нидерландах о ратификации соглашения об ассоциации между Евросоюзом и Украиной, состоявшемся 6 апреля 2016 г., большинство его участников (61,1 %) проголосовало против ратификации.

последних событий, которые доверие к этой власти, и до того подорванное, наверняка ослабят ещё больше.

Едва стал стихать шум, вызванный не подтверждёнными до сих пор обвинениями сбежавшего Онищенко в адрес Порошенко относительно подкупа им депутатов, как страна была снова взбудоражена — на этот раз визитом в Минск Надежды Савченко и ее тайными переговорами там с лидерами ДНР и ЛНР [Лидеры 2016] в присутствии представителей российских спецслужб об обмене заложников. Позиция Савченко, мотивировавшая правомерность переговоров с теми, кого в Киеве считают террористами, уравниванием их с людьми Майдана («как мы на Майдане стояли против власти Януковича, так хлопцы из ДНР и ЛНР воюют против власти Порошенко, и никакие они не террористы»), дублирующая официальную позицию Москвы, в Украине была отторгнута, как антипатриотическая. Ее инициативу осудила и Юлия Тимошенко, после чего Савченко исключили из парламентской фракции «Батькивщина» [Савченко 2016]. Однако тема заложников, освобождения которых у властей добиться не получается, для Украины слишком болезненная, чтобы действия Савченко в обход властей, как и сама бесконтрольная возможность таких действий, не усиливали политическую напряжённость и не ослабляли ещё больше авторитет руководителей страны.

Что им в такой ситуации остаётся? Глядя со стороны, могу предположить, что только одно: интенсифицировать преобразования, которых ждут от них и европейские союзники, сделав их необратимыми, что означает перевод принятых реформаторских законов в узаконенные ими реформаторские действия. Тем, как далеко в этом отношении удастся продвинуться, и определится, скорее всего, место нынешней генерации украинских лидеров в украинской истории.

2017 год

О казусе Насирова (10 марта). В Украине задержан на два месяца глава налогового ведомства Роман Насиров. Для освобождения из-под стражи под залог ему, по решению суда, предстоит внести 100 миллионов гривен (около четырёх миллионов долларов). Он сразу же заявил, что использовать эту возможность не будет. По информации украинских СМИ, Насиров — самый крупный действующий чиновник из всех, кто за четверть века независимости попадал в такое положение.

Люди разных политических предпочтений восприняли это, как знаковое событие, которое свидетельствует о намечающемся прорыве на антикоррупционном фронте. Многие его ждали и на него надеялись, многие не ждали и не надеялись, полагая, что при нынешней власти такое невозможно, что все ее реформаторские действия не больше, чем имитации, маскирующие желание сохранить постсоветскую чиновно-олигархическую государственную систему, и ничем иным быть не могут. Мне же на основе доступной информации издалека казалось, что власть эта имитациями ограничиться не сможет, даже если бы того желала.

Я уже не раз писал, что послемайданные лидеры, будучи продуктом постсоветской политической и административной среды с ее личными привязанностями и повязанностями, не могли порвать с ней быстро и резко. Но, одновременно будучи зависимыми от поддержки Запада и украинского гражданского общества, требовавших системных перемен, не могли на эти требования не реагировать. Однако они не могли поначалу и не искать компромисс между этими требованиями и интересами бенефициаров старой системы. Поэтому принимались антикоррупционные законы (вроде законов о предупреждении коррупции и о люстрации), создавались специальные антикоррупционные структуры, выведенные из подчинения исполнительной власти (Антикоррупционное бюро и Антикоррупционная прокуратура), но скольнибудь заметными неудобствами для упомянутых бенефициаров это не сопровождалось. И потому Запад и гражданское общество требовали продолжения реформ.

К весне прошлого года, когда после распада парламентской коалиции в стране случился затяжной политический кризис, стало ясно, что стратегия компромисса себя исчерпала. И новая коалиция сумела провести через парламент отставку Генерального прокурора, выходца из прокурорской корпорации и от нее независимого, и назначение на его место человека со стороны с предоставлением ему полномочий по реформированию ведомства. Была законодательно запущена и судебная реформа, призванная оздоровить прогнившую судебную систему, а также введена электронная система декларирования доходов всеми должностными лицами. Запад выразил всем этим удовлетворение и стал вместе с украинским обществом ждать, когда антикоррупционное законодательство начнёт сопровождаться антикоррупционным правоприменением. Однако существенных и заметных сдвигов по-прежнему не обнаруживалось, и скепсис в отношении способностей украинской власти продвигаться к правовому порядку только нарастал.

Становилось очевидным, что изменить общественную атмосферу, а заодно и психологическое состояние чиновно-олигархической среды, уверенной, что решимости бросить ей вызов у власти не хватит, можно только прецедентом, убеждающим в том, что до того неприкасаемые своей привилегии лишаются, и у власти есть основания чувствовать себя сильнее их. Первым избранником Антикоррупционного бюро стал влиятельный бизнесмен Онищенко, но у него была депутатская неприкосновенность, и он успел сбежать за границу до того, как ее успели снять. А вторым стал главный налоговик Насиров.

Упомянутое выше решение суда о мере пресечения и беспрецедентно крупной для Украины сумме залога принималось в нервной обстановке. В зале суда и вокруг его здания собрались люди, много людей, опасавшихся, что Насирова выпустят, и он скроется, как скрылся до него Онищенко. Резонанс был такой, что по ситуации ещё до суда счёл нужным высказаться президент Порошенко, чью партию представлял в правительстве Насиров, и которого многие в обществе склонны считать заинтересованным в свёртывании громкого дела. Он сказал, что «перед законом все равны», что Антикоррупционное бюро, «созданное при участии президента», — независимая структура, и что дело ею «должно быть доведено до конца и обоснование должно быть серьёзным» [Порошенко 2017]. Упоминание об «участии президента» может быть воспринято как публичное проявление доверия правоохранителям.

Состоится ли прорыв на антикоррупционном направлении, оптимистическое ожидание которого вызвано вмешательством гражданского общества? Кое-что прояснится после рассмотрения обжалования решения суда в апелляционной инстанции. Но уже сейчас звучат опасения, что такое вмешательство может быть оценено, как давление на суд. Да и скептиков немало, не верят люди в саму перспективу таких прорывов при действующей украинской власти, уповая на ее смену другой в надежде, что та непременно будет лучше. Но, как бы то ни было, история с Насировым — и ее начало, и продолжение, и завершение — что-то, может быть, дополнительно прояснит насчёт возможностей и границ продвижения от постсоветского государства, приватизированного частными и групповыми интересами, к государству правовому. Точнее, возможностей и границ такого продвижения, осуществляемого элитой, которая сформировалась в неправовой системе.

Об украинском суде (21 апреля). Коллеги интересуются, почему перестал писать про украинские реформы. Потому что под тем углом зрения, под которым я на эти реформы смотрю, пока мало что видно. А именно, под углом зрения трансформации государства, перевода его в правовой режим функционирования. Другие реформы — налоговая, земельная, пенсионная, реформы здравоохранения и образования, приватизация предприятий или идут, или намечены и обсуждаются в парламенте, по их поводу кипят политические и прочие страсти, но я не ощущаю в себе сил и квалификации, чтобы отслеживать их ход. Поэтому изначально сосредоточился на том, что представляется мне наиболее существенным для всего

постсоветского пространства, — на попытках преобразовать постсоветское государство, приватизированное влиятельными группами интересов, в государство правовое.

Я много писал о том, что в этом отношении было сделано. И о переменах в Генеральной прокуратуре, и о создании специализированных антикоррупционных институтов, и об электронной системе декларирования доходов и расходов, и о запуске судебной реформы. Это непросто было сделать, это заняло много времени, но потом выяснилось, что это не самое трудное. Сложившаяся за четверть века постсоветская система на угрозы ее устоям ответила их солидарной обороной, мобилизовав на нее накопленные ресурсы денег, связей и влияния. И едва ли не главным таким устоем выступают сегодня судьи.

Те из них, кто решимости для сопротивления в себе не обнаружили, систему поспешили покинуть (таковой оказалась почти пятая часть их состава), но большинство осталось, заменить их не всегда просто и не всегда есть кем, а механизмов для привлечения к ответственности за сами судебные приговоры при независимости судей, как известно, не существует. Специальный антикоррупционный суд, предусмотренный судебной реформой, все ещё не создан, несмотря на давление со стороны Евросоюза. Вот и выносят приговоры, руководствуясь мотивами, к праву отношения не имеющими. Или просто бесконечно откладывают рассмотрение дел (таких случаев множество и становится все больше). Рискует ли судья? Да, в какой-то степени рискуют, ибо частично их лишили неприкосновенности, и при наличии оснований мздоимцы могут быть арестованы. На днях прочитал, что в городе Днепре (бывшем Днепропетровске) взяли с поличным двух судей при получении взяток под гарантию «справедливого» приговора [В Днепре... 2017]. Рано или поздно их дело попадёт в суд. А какое он вынесет решение, учитывая неоднократно замеченную корпоративную солидарность судей, никто не знает.

Но солидарность эта, повторяю, не только корпоративная, она общесистемная. И потому так сложно одолеть ее в отдельных подсистемах. Понятно также, что ресурсы такой солидарности зависят от места человека в системе. Поэтому украинское общество столь чувствительно к случаям привлечения к ответственности статусных фигур вроде недавнего задержания главы налогового ведомства Романа Насирова, о чем я тоже писал. Люди осознают, что наказание даже одной такой фигуры может стать символическим и существенно уменьшить психологическую сопротивляемость системы. Но это осознают и те, чей интерес в ее сохранении.

Противоборство началось сразу же после задержания. К зданию суда, где решался вопрос о мере пресечения, потянулись высокостатусные защитники Насирова, включая парламентариев, но туда же в несопоставимо большем количестве потянулись и киевляне. Судья, вопреки требованиям высокостатусных, принял решение о заключении под стражу, назначив для освобождения из-под нее залог в размере 100 миллионов гривен, т. е. около четырёх миллионов долларов. Насиров вносить такую сумму отказался, но добрые люди внесли ее за него. Идёт следствие, но в том, что дело будет доведено до суда и, если будет, стоит ли ожидать справедливого решения, в Украине очень многие сомневаются.

Высокостатусные — в том числе, и некоторые близкие к президентской администрации — делают все, чтобы не был создан прецедент наказания одного из них. Помня о толпе, собравшейся у здания суда, когда выносилось решение о мере пресечения, они отдают себе отчёт и в том, что в обществе есть силы, желающие совсем другого. И потому, считаясь с этими силами, пытаются обеспечить общественным ресурсом и Насирова — украинская федерация дзюдо единогласно и под аплодисменты избрала его своим председателем [Романа 2017]. Много, очень много в этом деле на кону — и для украинской власти, и для созданных антикоррупционных структур, и для бенефициаров постсоветской коррупционной системы. И для тех, кто намерен создать прецедент, и для тех, кто опасается его допустить.

Внимательно наблюдают за всем этим и в Евросоюзе. Там отдают должное антикоррупционному эффекту таких шагов украинских властей, как реформирование энергетической и банковской систем, а также системы госзакупок. С пониманием относятся и к трудностям привлечения к ответственности коррупционеров, защищённых влиятельными группами интересов. Но при этом ждут прорыва системной обороны и надеются, что он произойдёт [Представительница 2017].

Ещё о постсоветской социальности (15 мая). Не раз уже писал о том, что в программах и заявлениях российских оппозиционных лидеров мне не хватает одной малости. А именно, внятного реалистического описания постсоветской социальности, которую они намереваются реформировать в случае прихода к власти. Реальности, в чем-то сохраняющей сходство с советской, но в чем-то существенно от нее отличной. Показательно также, что никому из российских претендентов на роль реформаторов не интересно реформаторство украинское и в его успехах, пока незначительных, и в его трудностях, проистекающих в существенной степени именно из исторического своеобразия постсоветского общества. О том, каково оно, недавно написал известный украинский экономист Александр Пасхавер. Вот несколько тезисов из его статьи «Выбор судьбы», опубликованной в газете «Зеркало недели»:

- Фундаментальным обстоятельством, определяющим противоречивый характер нашей революции, являются социальные ценности нашего пассивного большинства — стратегия выживания, выработанная столетиями проживания в прочих государствах, во враждебной среде. Она спасала и в кровавом XX веке, и в нашей новейшей истории независимой страны. Коротко ее можно выразить несколькими глаголами: доверяй только своим, скрывай, не получается — обмани, не получается — подкупи. Можно себе представить, как трудно строить свое государство при неверии большинства к государству, его законам, его институтам.

- «Наш капитализм» представляет собой сеть монополий, в которых собственники, в союзе и под прикрытием бюрократии и политикума, получают свою монопольную ренту, делаясь со своей «крышей». 10–15 человек наверху — это верхушка гигантской коррупционной пирамиды, состоящей из сотни тысяч таких монопольных образований. Это социальная матрица, ткань нашей жизни. В нее вплетены все, включая рядовых граждан, вынужденных путём коррупции реализовывать или защищать свои права. Эта социальная матрица возникла и оказалась необыкновенно устойчивой в значительной мере потому, что вполне сочеталась с доминирующей стратегией выживания.

- Устойчивость олигархической матрицы обеспечивается присущими ей свойствами. Во-первых, она постоянно воспроизводит отрицательный отбор элит. Честные профессионалы, если они попадают в бюрократию или политику, меняются на коррупционноспособных «своих». Во-вторых, поддерживается монопольная структура во всех занятиях, где это возможно. Монополия препятствует развитию. В этом причина нашей бедности. В-третьих, все наше формальное законодательство и неформальные нормы подстроены под интересы олигархата. Коррупционность элиты, монопольная организация всех публичных занятий и коррупционность формальных и неформальных норм создают труднопреодолимые проблемы для реформаторов. Явись герой-радикал, желающий разрубить этот узел одним ударом, его ждало бы либо позорное поражение, либо экономический и социальный коллапс страны [Пасхавер 2017].

В России — это я уже от себя — все больше людей понимают, что для действующей власти проблемы страны неподъёмны, что она в состоянии лишь их усугублять. Но насколько подъёмны они для оппозиции, если она избегает даже их описания в их конкретном постсоветском своеобразии? Иногда приходится слышать, что Россия — не Украина, что российская постсоветскость для реформирования более податлива, чем украинская, а потому и нет

нужды две страны сравнивать. Но когда спрашиваешь, как можно, не сравнивая, говорить о «большей податливости», ответа не дождёшься.

Какой-то чуть ли не генетический оптимизм у российских сторонников перемен. Мировоззренчески он комфортен. В том числе, и потому, что это оптимизм поверх проблем.

О комфортных самообманах (18 мая). Негативная реакция некоторых коллег на мою предыдущую заметку об особенностях постсоветской социальности лишней раз подтверждает чуть ли не принципиальное нежелание желающих системных перемен с этой социальностью и ее особенностями считаться. Зачем, мол, тратить впустую время на их постижение, если есть общие принципы реформирования, для всех стран одинаково верные и многократно испытанные опытом? Вот их, принципы эти, в случае получения власти, и надо внедрять. Такие, как свободная политическая конкуренция, честные выборы, независимость суда, ограничение полномочий президента, ответственность правительства перед парламентом и другие, столь же общеизвестные. А все остальное — от лукавого.

Так вот, в соседней Украине все это в первом приближении сделано. Но тому, чтобы все это заработало, препятствует та самая постсоветская социальность, которую я в первом приближении с помощью украинского эксперта в предыдущей заметке описал. В ней острейший дефицит субъектов, которые в системных преобразованиях были бы заинтересованы, при доминировании субъектов, чьи интересы в сохранении статус-кво. Субъектов, на охране которых огромные ресурсы денег, корпоративно-бюрократических связей и зависимо-го от тех и других пассивного социума.

Тем не менее, Украина за три года, пусть и не очень далеко, продвинулась в институциональной модернизации. Но почему ей это удалось? Потому что, во-первых, ее власть находится в полной экономической и политической зависимости от Запада, который в ответ на поддержку требует системных перемен. Потому, во-вторых, что в Украине сложилось относительно влиятельное, хотя и ресурсно слабое, гражданское общество, тоже оказывающее давление на власть. В-третьих, легитимность самой власти изначально определялась во многом евроинтеграторскими лозунгами Майдана, с чем не могло не считаться большинство политического класса. И, при всем том, институциональные сдвиги пока не впечатляющие. Особенно в том, что касается преобразования чиновно-олигархического государства в правовое.

Можно ввести политическую конкуренцию и относительно честные выборы с честным подсчетом голосов, но само по себе это не устраняет чиновно-олигархического влияния на формирование законодательного корпуса и голосование в парламенте. Можно создать специальные антикоррупционные структуры, не зависящие от исполнительной власти, но их деятельность может блокироваться консолидированными коррупционными интересами. Можно запустить реформу судебной системы, напугавшей около четверти украинских судей, из системы уволившихся, но это, во-первых, обнаружило отсутствие многим из них замены, а во-вторых, не обнаружило существенного влияния на оставшихся. Ибо в выносимых приговорах они, как и положено в правовом государстве, независимы и за них не наказуемы, а от соблазнов на этих приговорах хорошо заработать отказаться трудно.

Поэтому и говорю, что идеологам и проектантам иной России, чем она есть, не мешало бы присматриваться к украинскому опыту. Не для того, чтобы отказаться от своих идеалов и целей, а для того, чтобы отнестись к ним ответственно и серьезно, не прибегая к комфортным самообманам, из которых могут проистекать большие обманы. Учитывая к тому же, что в России даже появление тех внешних и внутренних факторов, которые подталкивают реформы в Украине, на сегодня представить трудно.

Об арестах налоговиков Януковича (3 июня). Напишу все же о недавнем событии в Украине для тех, кто не в курсе. Там была проведена единовременная масштабная акция в

разных регионах страны, в ходе которой были задержаны 26 руководящих деятелей налоговых служб времён Януковича [23 должностных лица были задержаны... 2017]¹². Мне показалась заслуживающей внимания разная реакция на это событие украинских политиков и украинского общества.

Есть люди, которые акцию воодушевлённо приветствуют. Как и арест налогового министра Насирова, о чем я в свое время писал, они считают ее беспрецедентной, свидетельствующей о серьёзности антикоррупционных намерений властей. Видят в этом очередной прорыв, который поможет создать в стране правовую атмосферу неотвратимости наказаний за должностные преступления.

Есть люди, акцию третирующие, как показуху и фарс, призванные отвлечь население от реальных проблем и смягчить их недовольство властями. Апеллируя, в частности, к тому, что продажный суд почти всех задержанных отпустил под залог, и обвиняя президента Порошенко в том, что он имитирует противодействие коррупции, а не противодействует ей.

И есть люди, объясняющие, что судьи руководствовались нормой закона, который предписывает им предлагать подозреваемым выбор между содержанием под стражей и другими мерами пресечения. Другое дело, что суммы залогов судьи назначают меньшие, чем требуют прокуроры, и это может быть и не бескорыстно, но закон их в данном отношении ни к чему не обязывает. И потому, мол, претензии тут если к кому и могут быть, то не к президенту, диктатором не являющимся, а к законодателям, оставляющим судьям нишу для злоупотреблений.

Как и в других случаях, которые касаются продекларированного Украиной движения к правовой государственности, от оценок воздержусь. Что-то определённое можно будет сказать только после того, как следствие вынесет обвинение и налоговикам Януковича, и последмайданному главному налоговому Насирову, передаст дела в суды, а те вынесут свои решения.

Пока же остаётся наблюдать, как постсоветский правящий класс, сам сформировавшийся в постсоветской неправовой среде, пробует эту среду демонтировать. Не торопясь с выводом о том, насколько эти пробы будут результативны. И ещё присматриваться к тому, как на такие пробы реагирует общество, от чего результат тоже в немалой степени будет зависеть.

Об украинском новом рубеже (18 июля). Я не раз писал об особенностях украинских реформ. Во-первых, они осуществляются во время войны. Во-вторых, осуществляются старой элитой. В-третьих, в парламентско-президентской республике с реально разделёнными ветвями власти и зависимостью состава и действий правительства от законодателей. В-четвёртых, под внешним контролем Запада — прежде всего, Евросоюза, завершившего несколько дней назад ратификацию Соглашения об ассоциации с Украиной, которое вступит в силу первого сентября¹³.

Это «в-четвёртых» особо существенно, ибо только изнутри системное реформирование постсоветского украинского (и не только украинского) олигархо-чиновного социального порядка представляется проблематичным. И потому внешнее давление, производное от внешней поддержки, оказывается едва ли не главным мотором перемен. Внешняя субъектность призвана компенсировать дефицит субъектности внутренней. А как это будет выглядеть после того, как вступит в силу Соглашение об ассоциации, стало ясно в последние пару недель.

¹² Потом было уточнено, что задержаны 26 человек.

¹³ Соглашение было подписано в 2014 г., однако его ратификация Евросоюзом дважды откладывалась — сначала по настоянию России, а потом Нидерландов, где в апреле 2016 г. против ратификации высказалось большинство участников проведённого в стране референдума. С 29 сентября 2016 г. Соглашение действовало частично, во «временной форме». Процедура ратификации возобновилась после согласования позиций Нидерландов и руководства ЕС. Завершилась процедура 11 июля 2017 г.

Запад на разных уровнях и площадках продемонстрировал Украине свою поддержку и заинтересованность в успешности ее продвижения по избранному ею европейскому маршруту. Европа, США, НАТО, парламентская ассамблея ОБСЕ согласились с украинской интерпретацией минских соглашений и украинской позицией по Крыму. В Киеве побывали генсек ООН, выразивший солидарность с украинским народом [Генсек 2017], высшие руководители НАТО и Евросоюза, госсекретарь США; в Лондоне состоялась международная конференция с участием представителей политических и деловых кругов США, Англии и других стран, специально посвящённая украинским реформам. Звучали одобрительные, а порой и лестные слова относительно уже сделанного — в банковском секторе, урегулировании госзакупок, обеспечении энергетической независимости, создании системы электронного декларирования доходов должностных лиц, выполнении всех требований, которыми обуславливалось предоставление безвизового режима с Евросоюзом, с чем Украину поздравляли, как и с ратификацией Соглашения об ассоциации. Обещали помогать в продвижении вперёд, но... Но с условием, что украинцы проявят собственную волю к такому продвижению.

Пока к ним по этой части немало претензий. Чаще всего они по-прежнему касаются коррупции. Западные союзники считают, что на этом направлении видимых достижений немного, а украинские коллеги, с которыми на эту тему общался, говорят о приостановке давления на олигархически-чиновную коррупционную сеть по причине опасений, что оно может затронуть слишком широкие слои во власти и в бизнесе.

Наверное, это заметили и в западных столицах, что сопровождалось непривычно жёстким заявлением официального представителя ЕС в Украине: мол, антикоррупционные функции возложены на несколько структур, включая Службу безопасности (СБУ), для которой она избыточна, а впечатляющих результатов как не было, так и нет [Глава 2017]. Недовольны западные союзники и тем, как продвигается законодательно запущенная в прошлом году судебная реформа. В частности, промедлением с созданием специализированного антикоррупционного суда, этой реформой предусмотренного, чтобы нейтрализовать инерцию старой коррупционной судебной системы, быстрому преобразованию не поддающейся, но противодействие коррупции небезуспешно блокирующей.

Особенность украинских реформ, повторю, не только в том, что они осуществляются под давлением и контролем Запада старой элитой, обжившейся в прежней системе и вынуждаемой менять ее на менее для себя комфортную. Особенность этих реформ и в том, что их ход определяется парламентом, т. е. не авторитарно, а демократически. А в парламенте тоже сильны позиции старой элиты, причём часть ее находится не просто в оппозиции президенту и исполнительной власти, но и чуть ли не открыто демонстрирует заинтересованность в том, чтобы согласованные с западными партнёрами реформы сорвать, дабы открыть дорогу к президентской и правительственной власти себе. Поэтому буксует запущенная судебная реформа, поэтому увязает в парламенте реформа земельная, за что Украина поплатилась отсрочкой предоставления очередного транша кредитной помощи МВФ, поэтому не запускается реформа госаппарата, не запускается приватизация госпредприятий. Поэтому, в свою очередь, в страну не идут инвестиции, хотя в первую очередь, конечно, они не идут из-за войны. И ко всему этому нелишне добавить, что многие депутаты тоже интегрированы в чиновно-олигархические коррупционные сети и решают в них свои частные проблемы, будучи защищены депутатской неприкосновенностью.

Эта неприкосновенность стала в свое время естественным следствием трансформации советской системы, в которой законодательная ветвь власти была инструментом власти партийно-бюрократической. Во многих постсоветских государствах (среди них и Россия) эту зависимость законодателей в обновлённых формах удалось восстановить, формально на их неприкосновенность не покушаясь, но послемайданная Украина с этого пути сознательно со-

шла. В результате же столкнулась с тем, что депутаты, независимость которых от давления других властных структур защищена неприкосновенностью, не удерживаются от соблазна воспринимать это как свою независимость от закона. Рассчитывая, что коллеги-законодатели, наделённые правом неприкосновенности лишать, их не сдадут.

Недавно президент Порошенко призвал законодателей отказаться от депутатского иммунитета и поставить себя в отношениях с законом в общий ряд с другими гражданами [Порошенко 2017]. Понятно, что речь может идти только о частичном ограничении иммунитета (скажем, периодами парламентских сессий), как это имеет место во всех демократиях. Понятно, что большинство народных избранников от такой перспективы не в восторге и будет сопротивляться. Однако их сопротивляемость ограничена тем, что общество тоже недовольно их свободой от закона. Поэтому на днях в ответ на представление Генпрокуратуры они лишили нескольких депутатов неприкосновенности, а в отношении одного из них (бывшего губернатора Харьковской области Михаила Добкина) согласились на арест.

Моя заметка явно затянулась, а потому итожу. Предстоящее вступление в силу Соглашения об ассоциации повлечёт за собой (уже влечёт) ужесточение требовательности к украинскому руководству по части проведения реформ и выполнения всех пунктов договора. Политическая и финансово-экономическая поддержка Украины ставится в зависимость от этого. Учитывая приближение президентских выборов (до них меньше двух лет), можно ожидать возрастания реформаторской активности президентской и исполнительной власти — особенно на тех направлениях (прежде всего, антикоррупционном), к которым общество особенно чувствительно. И ужесточения противоборства в обществе и политическом классе, которое и без того уже зашкаливающее. Настолько, что президент Евросовета Дональд Туск во время саммита ЕС и Украины в Киеве счёл даже нужным публично предупредить, что главный вызов украинской государственности не извне (с ним она справится), а изнутри. Вы, сказал он, «можете потерпеть поражение от самих себя. Именно поэтому вы должны в любом случае сохранять единство и избегать внутренних конфликтов» [Туск 2017]. Возможно, в Европе обеспокоены тем, что к власти в Украине могут прийти пророссийские политики, как случилось это в тоже ассоциированной с ЕС Молдове.

Как и прежде, я пишу об украинских реформах, их удачах и сбоях, имея в виду возможные реформы в России. Ей придётся решать проблемы, аналогичные украинским, — в постсоветских странах они типологически сходны. Но ей придётся решать их, если решать решится, при авторитарной форме правления (никаких симптомов предстоящего отказа от нее ни во власти, ни в оппозиции сегодня не наблюдается) и при отсутствии западной поддержки, ибо платить за такую поддержку согласием подчиняться западному давлению не наблюдается тоже. А потому в обозримом будущем серьёзных реформ и не жду.

О самонадеянности (21 июля). То, что приходится слышать в РФ от оппозиции относительно противодействия системной коррупции и грядущей победе над ней, выглядит в лучшем случае детским лепетом на фоне украинского опыта такого противодействия в условиях специфической постсоветской социальности. Присмотрелись бы к тому, как это выглядит даже под жёстким прессом Евросоюза, на какие натывается барьеры. Выборы, говорят, сделаем честными, СМИ — свободными, судей — независимыми¹⁴. А в Украине думают о том, как независимых судей сделать зависимыми от закона. И выборы там не то, что здешние, и СМИ тоже. Знаю, что присматриваться не будут, но и не сказать в который раз не могу.

О новых американских санкциях и российских пропагандистах (11 августа). Как и в предыдущие послекрымские годы, три отпускных недели пребывал в положении объекта

¹⁴ Написано под впечатлением услышанной от А. Навального, его программы искоренения коррупции в случае избрания президентом [См.: Backstage... 2017].

пропаганды российского ТВ, т. е. потребителя транслируемых им сведений о текущих политических событиях и их смыслах. Главным событием в это время был узаконенный американскими конгрессменами и американским президентом пакет новых антироссийских санкций, по масштабу своему беспрецедентных¹⁵. И мне, как единице телеоблучаемого народонаселения, все каналы солидарно объяснили, как к этому следует относиться.

Не скрывали, что речь идёт о серьёзном и жёстком внешнем вызове, мотивированном желанием вызвать неприятные для страны и государства последствия. Именно для страны и государства — тем, что в санкционном пакете предусмотрено и целенаправленное отслеживание источников неуклонно растущего финансового благополучия российского правящего класса и российских «олигархов», сознание обывателя отягощать не стали. Его внимание сосредоточили на том, что заокеанские враждебные действия мотивированы желанием воспрепятствовать экономическому и технологическому развитию России, как не зависимой от Запада и ему альтернативной цивилизации. И потому ей предстоит найти на брошенный ей вызов адекватный ответ, и она, как бывало уже не раз, его непременно найдёт.

Для этого ей предстоит избавиться от болезни самоуничужения, поразившей ее со времён перестройки и проявившейся в насмешках насчёт идеи «особого пути». Ее исторический путь всегда был особым и должен таковым оставаться, ибо только на нем ей гарантированы государственное выживание и международное влияние. А смысл этого пути — в ставке на военную силу, позволяющую действовать в соответствии со своими геополитическими интересами, как они понимаются, независимо от того, как мир на это реагирует. С убежденностью, что наше дело, как всегда, правое.

Поэтому не стесняться следует своей особости и на других непохожести, а гордиться. Поэтому губительны для государственности насаждавшиеся со времён той же перестройки представления о российской отсталости и необходимости кому-то подражать и кого-то догонять. Конкурентоспособность страны обеспечивается не гонкой за мировыми лидерами, а установкой на их опережение и лидерство собственное. Если же в экономическом и технологическом развитии конкурентоспособность эта сегодня слабовата, чем недоброжелатели надеются воспользоваться, то ее предстоит форсированно наращивать, опираясь на собственные силы, собственные модели развития и кооперацию со странами, в ней заинтересованными. От экономической и технологической зависимости от Запада, становящейся для него долговременной козырной картой, следует освободиться окончательно и бесповоротно.

Это, конечно, пока всего лишь пропаганда, насаждающая в обществе определённую атмосферу. Власть свой выбор в новой ситуации ещё, похоже, не сделала и не оставляет надежд на хотя бы частичное возвращение к докрымским и додонбасским отношениям с Западом, от своих нынешних позиций существенно не отступая. Возможно, все ещё уповает на Трампа, вынужденного считаться с почти единодушным мнением законодателей, отражающим мнение американского общества, но от мнения этого дистанцирующегося. На то, что новые санкции не будут при нем запущены. И ещё на неприятие отдельных положений санкционного пакета в Европе. Но и умонастроения, возбуждаемые с телеэкранов прокремлёвскими политиками и экспертами, тоже вряд ли случайны.

---

¹⁵ 27 июля 2017 г. Конгресс США подавляющим большинством голосов принял законопроект об ужесточении санкций против России, который 2 августа был подписан президентом Трампом. В этом документе законодательно закреплены действовавшие до того санкции, а их смягчение либо отмену президент обязывался согласовывать с Конгрессом. Это касалось и введённых новых санкций в отношении различных секторов российской экономики, принятых в ответ на кибератаку в ходе американских президентских выборов 2016 года, в которой США подозревают российские власти, а также на деятельность России в Сирии в поддержку президента Асада. Законодательно предписано и составление ежегодных докладов, в которых, в частности, должно фиксироваться участие России и ее граждан в незаконных финансовых операциях (прежде всего, в отмывании денег).

Эти политики и эксперты воодушевляют себя тем, что, в отличие от прежних времён, общее технологическое отставание России от Запада не сопровождается ее военно-технологической уязвимостью благодаря унаследованным от предыдущей эпохи ядерным арсеналам и достаточности ресурсов для модернизации обычных вооружений. Поэтому и соблазняются мыслью, что время догоняющих моделей развития можно оставить в прошлом, уверяя общество и не готовую пока к восприятию этой мысли власть, что военную самодостаточность можно распространить на невоенные сектора экономики. Но это не получалось в советскую эпоху, и нет оснований надеяться, что получится в постсоветскую. В экономической и социальной политике не просматривается даже намёков на появление собственных автономных моделей экономического роста и социального благополучия, но хорошо просматриваются системные барьеры, такому росту и такому благополучию препятствующие. А о том, как такие барьеры устранить или обойти, телепропагандисты не распространяются.

При большом желании ростки этой модели можно, конечно, обнаружить в том, что глава государства лично присматривает за сооружением объектов под проведение олимпиад, чемпионатов мира или моста через Керченский пролив. А в последнее время занялся ещё и целеустремлённым точечным устранением системных барьеров по заявкам населения, контролируя ликвидацию городских свалок, пресекая незаконные поборы с родителей ради приобретения школами парт [Путин 2017] и другими полезными делами. Но страна большая, точек неблагополучия много, а президент один. Когда же он пробует запустить отдельные механизмы системной самонастройки, дабы освободить, скажем, бизнес от чрезмерной опеки чиновников и правоохранителей, то его многочисленные указания оставались и остаются невоплощенными. В том числе, и потому, что сам он главный бенефициар, а потому и заложник им же созданной системы. Но как ко всему этому относятся пропагандисты особого пути, публике знать не дано, ибо ей на сей счёт ничего не сообщается.

Так что впечатление от ТВ-агитации за самодостаточную экономику, к внешним вызовам нечувствительную, ставшую ответом на американские санкции, создаётся такое, что ничего конкретного об этой самодостаточности агитаторы сказать не могут, но готовят народонаселение к тому, что самодостаточность эта может быть обеспечена за счёт его благосостояния.

Об РФ и КНДР (12 августа). Читаю прогнозы, сулящие России превращение в аналог Северной Кореи. Думаю, этого не будет. В КНДР изначально утвердилась уникальная система наследственного тоталитаризма, обеспечивающая воспроизведение легитимности власти вождя и устойчивую лояльность к нему населения и элитных групп. В постсоветской РФ такого уже не получится. Но и прогнозируемого другими согражданами повторения прежних маршрутов реформации от Хрущева до Горбачева не получится тоже. А что может получиться по мере исчерпания политического ресурса путинского режима, никто не скажет. Аналогов трансформации персоналистских режимов, отягощённых имперско-державным и тоталитарным историческим наследством, в мире пока не наблюдалось, как не наблюдалось и самих таких режимов.

О телевизионном «очернительстве» (15 августа). Коллеги обратили моё внимание на тематический и дискурсивный поворот в ночных программах Соловьева. Я его тоже заметил. Ведущий и его гости, оставаясь последовательными охранителями во всем, что касается отношений с внешним миром, оцениваемых в духе абсолютной правоты России и абсолютной неправоты ее оппонентов, заговорили об удручающем моральном состоянии российского общества.

Соловьев с выражением рассказывает душераздирающую историю о том, как отчим тринадцатилетней девочки вместе с ее родной матерью в течение шести часов эту девочку методично убивали и убили. Или о том, как прокуроры, судьи и тюремщики издевались над

невинным инвалидом, вес которого меньше 20 килограммов. Факты и интонация оратора вопиют: опомнитесь, люди, так жить нельзя. А гости студии, как о чем-то общеочевидном, общаются публике о культе насилия и к нему притерпелости, всеобщем невежестве, производном от плачевного состояния школьного образования, отсутствии у населения, в сознании которого социологи зафиксировали сдвиг от установки на стабильность к установке на перемены, образа будущего, крикливом показном патриотизме и прочих язвах. И сказать хотят то же самое: так нельзя.

Выглядит прям-таки «очернительством», но именно таким образом обнаруживает себя озабоченность власти и обслуживающего ее персонала тем, что контакт между ней и населением может быть утрачен, а его моральная и психологическая расслабленность, переходящая в распущенность, могут привести к неприятным последствиям, поскольку новая международная обстановка требует сознательной мобилизации. Да и этически мотивированный молодёжный протест тревожит, как и сочувствие ему значительной части в очередной раз отщепившейся от государства интеллигенции. Все это в совокупности предопределило, скорее всего, моральные акценты в предвыборной риторике Путина, как и его морально окрашенный адресный патернализм. А обслуживающий персонал подстраивается и под ситуацию, и под кремлёвскую реакцию на нее.

Но пока реактивность не сопровождается креативностью. Ничего запоминающегося, кроме идеи возвращения российскому народонаселению сверхидеи, без которой ему жизнь не в жизнь, придумать не смогли, да и саму такую идею не придумали тоже. Правда, некоторые гости яблочного цвета, которыми разбавляют околоскремлевский интеллектуальный бонд, осторожно намекают, что не помешало бы расширить пространство творческой и прочей свободы, но поддержки не получают.

Посмотрим, что дальше будет. Может, мысль о новом моральном кодексе кого-то осенит, а люди, принимающие решения, ее подхватят.

О культурной политике РФ (23 августа). Право гражданина Российской Федерации быть признанным большим художником гарантируется только в обмен на лояльность¹⁶.

Ещё о культурной политике РФ (24 августа). Вот с такой защитой права столкнулся. Не действующей квазиправовой системы, а именно права во имя преобразования системы в соответствие с ним. Или, по крайней мере, дабы этому не мешать. Мол, если известного режиссёра привлекают к уголовной ответственности за мошенничество, а вы, ничего толком об этом не зная, заступаете за него только по причине его известности и сочувствия его оппозиционным либо полуоппозиционным политическим убеждениям, то вы не способствуете, а препятствуете превращению системы в правовую.

По этому поводу имею сообщить, что речь вообще не идёт о юридической стороне дела. Речь о том, что система эта выстроена на избирательном правоприменении в условиях вынуждаемых ею правонарушений. Или, что то же самое, на фактическом неравенстве перед законом. Или, говоря по учёному, на партикулярном, а не универсальном его применении. Или, в моей терминологии, на принципе «диктатуры закона», хотя он проявляет себя не только в этом. И если эта неправовая система наезжает на человека, известного своей недостаточной политической и эстетической лояльностью к официальной генеральной линии, для меня, с точки зрения продвижения к праву, имеет значение, прежде всего, то, что нелояльного или недостаточно лояльного намереваются судить и осудить за действия, которые для ло-

¹⁶ Этот и два последующих текста написаны под впечатлением ареста известного в России и мире режиссёра Кирилла Серебренникова, обвинённого в организации хищения большой суммы денег, выделенных на постановки спектаклей из госбюджета. Учитывая приверженность Серебренникова авангардистской эстетике, официально не поощряемой, а также его публичные критические оценки отдельных действий властей, многие в России и за рубежом сочли дело политически мотивированным.

альных считаются неписаной нормой. В противном случае мне придётся поверить, что среди людей, ускоренно превратившихся в 90-е в долларовых миллионеров и миллиардеров, не в ладах с уголовным кодексом был один Ходорковский.

А позиция, смещающая акценты с избирательного правоприменения на что-то другое («пусть суд разберётся» или нечто в этом духе), в отношении неправовой системы заведомо адвокатская. Если что и может привести к ее изживанию, то исходное полное к ней недоверие.

P.S. Когда текст был уже написан и размещён, прочитал комментарий Кончаловского [Кончаловский 2017]. Образцовый пример того, как избирательное применение правового универсализма, диктуемое побочными в отношении права мотивациями, лукаво преподносится, как применение универсальное. В том смысле, что закон один и един для всех.

Об избирательном правоприменении и равенстве перед законом (25 августа). Размышляя о последнем резонансном случае избирательного правоприменения, попробовал сформулировать некоторые тезисы и вопросы о правовом порядке в России и его возможных перспективах:

1. Избирательное правоприменение, если речь идёт об экономических преступлениях, стало возможным потому, что любая производительная деятельность — от производства космической техники до театрального творчества — при соблюдении закона в современной России невозможна.

2. Избирательное правоприменение позволяет большому и малому начальству репрессировать за экономические правонарушения служебную, политическую и даже эстетическую нелояльность, закрывая глаза и даже поощряя правонарушения лояльных.

3. Избирательное правоприменение означает неравенство перед законом.

4. Неравенство перед законом проистекает в данном случае не из его санкционирования законом, как в старых сословных обществах; оно сочленяется с узаконенным равенством перед законом.

5. Фактическое неравенство перед законом при узаконенном равенстве перед ним позволяет высшему начальству избирательно репрессировать любого независимо от статуса, заслуг и известности.

6. Узаконенное равенство перед законом, наложенное на доправовое, морально-репрессивное массовое сознание, воспринимается этим сознанием как должная и правильная норма, ибо частично выравнивает высших и низших в зависимости от самых высших и беспомощности перед ними.

7. Узаконенное равенство перед законом, демонстрируемое репрессивностью «не взирая на лица», т. е. распространяемое и на высших, дополнительно легитимирует власть самых высших.

8. Может ли из принципа равенства перед законом, осевшего в морально-репрессивном массовом сознании, прорасти сознание правовое, мы не знаем. Знаем только, что он в этом сознании обосновался. Возможно, узнаем больше по мере развития событий в Украине, где под контролем Евросоюза движение страны к верховенству права пробуют обеспечить.

О президенте Обломове и президенте Штольце (31 августа). Околокремлёвские эксперты, как понял из текста Федора Лукьянова [Лукьянов 2018], тренируют стратегическое мышление. Потренировавшись вместе с ними и обретя нужную прогностическую силу, автор в сценарно-беллетристическом жанре рассматривает два варианта политики.

Первый, названный вариантом Обломова, — отказ от технологической гонки за Западом, вмешательства в дела других стран, улаживание всех конфликтов на внешней арене и полная сосредоточенность на внутренних делах, дабы обеспечить людям сносную спокойную жизнь. Второй (вариант Штольца) — форсированная технологическая и культурная мо-

дернизация по западным лекалам. И подводит к выводу, что тот и другой даже в случае заметных начальных успехов при соблюдении демократических норм и процедур вскоре обернутся напряжением в обществе, неразрешимыми конфликтами между разными группами населения (при первом варианте недовольными окажутся одни, при втором — другие) и не оставят другого выбора, кроме диктатуры.

Все это перенесено в Россию послепутинскую, но можно понять и так, что сценарные послания адресованы послевыборному Путину. Какой из двух вариантов предпочтительнее, ему, правда, не сообщается, оставляя выбор за ним. Доносится только мысль, что ни при одном из них без опоры на военно-полицейскую репрессивную силу не обойтись. Что при президенте со стратегией Обломова, что при президенте со стратегией Штольца. С той лишь разницей, что при первом усмиряться будут недовольные отставанием от технического и прочего прогресса, а при втором — недовольные прогрессом, заменяющим их роботами.

Не исключаю поэтому, что косвенно советуется особо ничего не менять, если потрясений и диктаторства хочется избежать. Коли так, плоховато пока дело со стратегией.

О пассионарности и мировом лидерстве (2 сентября). Вчерашнее выступление президента перед школьниками [См.: Стенографический отчёт... 2017] лишний раз показывает, как понимает руководство страны вызовы, перед которыми она оказалась, в каком направлении надеется отыскать ответы на них, и как эти ответы соотносятся с ответами на вызовы прежние.

Президент сказал, что есть страны, где «технологии, современные способы управления гораздо эффективнее, чем у нас», но это не значит, что России предстоит их догонять. Гордиться отныне предстоит не тем, что нечто «мы сделали не хуже, чем где-то в другом месте». Теперь — «чтобы нам и дальше сохранить свой суверенитет, сделать жизнь наших людей и будущих поколений... лучше, чем сегодня», — нужно добиваться лучших результатов «не только по сравнению с тем, что было сделано в нашей стране, но и по сравнению с нашими конкурентами во всем мире».

Это уже не прежние «догнать и перегнать», когда заимствовали зарубежные достижения, дабы устранить военно-технологическое отставание, воспринимавшееся угрозой безопасности страны. Эта безопасность давно уже считается обеспеченной ядерным оружием, но есть опасение, что новый технологический уклад, возникающий на наших глазах, может принести неприятные неожиданности. Поэтому и следует ориентироваться не столько на технологические заимствования, сколько на технологическое лидерство. Об этом не раз уже заявляли в правительстве, и такая установка, похоже, греет и президента. О чем он и дал понять в реплике об искусственном интеллекте, предупредив, что «здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые угрозы»: ведь «тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира». Понятно, успокоил он планету, что Россия на такую роль не претендует, она, в случае успеха, поделится новшествами со всеми, но у других могут быть другие планы.

Однако кое-что президент вчера не сказал. Он не сказал о том, что новых технологических укладов Россия никогда не создавала, а все ее прежние достижения, о которых перед выступлением Путина вчера напомнил специально созданный киноролик, имели место в границах укладов, заданных извне. Импульсы для новых укладов не возникали, а если в отдельных головах и появлялись, то гасились инертной средой. А о том, что же изменилось или предполагается быть измененным, чтобы импульсы возникали и не гасились, президент как раз и не сказал. Более того, его ссылка на «внутренний „ядерный реактор“ нашего народа», на его пассионарность, «толкающую нашу страну вперед», можно понять как веру в возможность влить новое вино в старые меха.

Ведь пассионарность эта в старые времена могла проявляться и проявлялась только потому, что ее мобилизовывали вожди, взывая при этом не только к патриотическому чувству, возбуждаемому апелляциями к внешним угрозам, но и страхом, насаждаемым насилием в отношении тех, кто мобилизационного рвения не обнаруживал. Но родиной новых технологических укладов это Россию не сделало. А мыслями о том, чем иным ее предстоит мотивировать на доселе в ней небывалое, президент делиться не стал. И есть ли у него такие мысли, слушавшие его люди не узнали тоже.

О старом и новом политическом вранье (4 сентября). «Никогда не лгали так, как в наше время. Ни так нагло, ни так систематично и постоянно» [Койре 2014]. Это Александр Койре, известный историк науки, написал в 1943 году. Сегодня этот уровень считается превзойдённым. Надо бы подумать (может, кто-то уже успел подумать и продумать), чем нынешняя политическая ложь отличается от той, которая описана три четверти века назад. Койре соотносил ее только с тоталитарными режимами, но сегодня ею пропитана публичная политическая речь в российской квазидемократии и ею же пропитывается эта речь в отдельных демократиях. И людям снова кажется, что так нагло ещё не ввали. Но все же: наглости стало больше или она видится беспрецедентной из-за проникновения в иные, чем раньше, политические контексты?

О подпольщиках во власти и в оппозиции (7 сентября). Ещё несколько суждений по следам дискуссии о том, когда было больше публичного вранья, — в прежние времена или теперь.

Упомянувшийся мной Александр Койре природу тоталитарной лжи усматривал в том, что тоталитарные правители и их команды действуют в логике подпольщиков, овладевших государственной властью. В логике, которая диктует сокрытие своих целей и мотиваций от внешней среды при демонстративной лояльности к ней. В которой правда только для узкого круга «своих», а для остальных — созвучные их настроениям и ожиданиям правдоподобия.

Сегодня мы можем добавить, что это же и логика агентов спецслужб. И ещё можем добавить, что в посттоталитарной ситуации такие легальные подпольщики, как называл их Койре, оказавшись у власти, в состоянии удерживать ее и без репрессирования всех инакомыслящих. Для этого достаточно и всех других претендентов на власть легализовать тоже, проявляя заботу лишь о том, чтобы те друг другу не доверяли и тяготели к дроблению на мелкие и политически безобидные общности. Для чего, в свою очередь, надо позаботиться и о том, чтобы в установках на публичное вранье эти легализованные оппозиционеры уподоблялись властвующим подпольщикам, воспринимали его неизбежным, для достижения своих целей необходимым. Чтобы тоже превращались в вольных либо невольных подпольщиков, в ментальные осколки тоталитаризма. И, если какой-то из них начинает вдруг набирать политический вес, своевременно в этом вранье — реальном либо приписанном — изобличать, используя свое монопольное положение в машине производства лжи. В том числе, и лжи в области правоприменения. То есть, поддерживать атмосферу, в которой критерии правды размываются в плюралистической тотальности обличений и обещаний. Когда всем политикам одинаково не верят, всех подозревают в корыстном умыслах. Вспомним хотя бы болотные митинги, где люди, солидарные в неприятии действий власти и обмана ею избирателей, старательно подчёркивали свою аполитичность. Правда в их глазах была вне политики и политиков.

В такой атмосфере недоверие не опасно и для самой власти, ибо если и все ее оппоненты воспринимаются лжецами, то по показателю правдивости и честности серьезных конкурентов, способных консолидировать большинство населения, у нее не окажется. Тем более, если речь идёт об атомизированном посттоталитарном социуме с политически неоформленными интересами. А что касается масштабов публичной лжи в сравнении с той же советской

властью, то согласен с теми, кто считает, что ее стало больше. Просто потому, что ее пространство существенно расширилось, а сама она стала откровенно циничной. Новатором тут выступила не власть, а претендент на нее Жириновский. Всеобщая жириновизация политики, в разных дозах используемая, — это уже потом.

Я не хочу сказать, что так обязательно будет всегда. Хотя бы потому, что «всегда» не бывает никогда. Я только о том, что сегодня.

О бесшумных выборах (10 сентября). Насколько могу понять, технология бесшумных выборов опробуется в Москве¹⁷. До них о них публично ничего, социальные службы обходят пенсионеров, объясняя, как важно голосовать и за кого, ко многим в день выборов приезжают с урнами домой, не будучи званными, в сопровождении наблюдающей полиции, а мэр города накануне предупреждает, что выборы кому-то не понравятся, потому что честные [Собянин 2017]. Результат, наверное, будет хороший.

О прошедших и будущих голосованиях (11 сентября). Просматривая информацию о вчерашних выборах, обратил внимание на провал всех трех парламентских партий — КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». В регионах, где выбирали губернаторов, их выдвиженцы, занявшие вторые места после кандидатов от «Единой России», отстали от победителей по количеству голосов чуть ли не на порядок [Выборы 2017]. А на муниципальных выборах в Москве КПРФ получила в пять раз меньше мандатов, чем имела, ЛДПР — в шесть раз, «Справедливая Россия» — более, чем в 10 раз. Очевидно, за счёт них и увеличили свое представительство «Единая Россия» (более 75 % мандатов) и непарламентская оппозиция (прежде всего, «Яблоко») [В Москве... 2017].

Вспоминая прошлогодние выборы в Думу, на которых «единороссы» взяли верх почти во всех одномандатных округах, можно предположить, что политическое время действующих парламентских партий-попутчиков близится к исчерпанию. Их бывшие избиратели все меньше соотносят их со своими интересами и на выборы, подобно сторонникам несистемной оппозиции, перестают ходить, что показала уже беспрецедентно низкая явка на последних думских выборах. Чему власть, как может, благоприятствует, ибо, чем меньше избирателей на участках, тем выше процент отдаваемых ей голосов, так как явку «своих» избирателей она обеспечивать научилась. Как давно научилась и этот процент увеличивать, если он выглядит недостаточно убедительным.

Однако для выборов президента сделают, скорее всего, исключение — не может и не должно быть такого, чтобы люди избегали голосования за вождя. Поэтому им, могу предположить, найдут способ объяснить, что неявка в судьбоносный день на избирательные участки будет восприниматься не патриотичной.

О грустном (17 сентября). Игорь Александрович Яковенко проговорил то, что внятно не проговаривается. Он написал, что приход к власти в современной России политика «даже с самыми гуманистическими взглядами, хоть Каспарова, хоть Явлинского, хоть Ходорковского, хоть правозащитника Льва Пономарева, при всей фантастичности такого предположения, приведёт точно к такому же итогу: из одного концлагеря — в другой. Дело тут не в личности, а в неизбежном воспроизводстве империи. Этот „Русский мир“ раздавит любого реформатора» [Яковенко 2017].

Автор это сказал, а я это цитирую вовсе не для того, чтобы поставить ещё один крест на самой идее перемен. Речь о том, что такая констатация только и может быть исходной точкой политического мышления о переменных. Политические эмоции норовят эту точку обойти и проскочить мимо нее, но рискуют проскочить совсем не туда, куда намереваются.

¹⁷ 10 сентября 2017 г. в Москве проходили муниципальные выборы. В этот же день такие выборы проходили в ряде других регионов, а в некоторых — выборы губернаторов.

Чтобы потом, как водится, поменять знак очарования на знак разочарования. Может быть, эти качели эмоций и есть судьба России, но то уже другой вопрос.

Ещё о грустном (18 сентября). По итогам дискуссии о вчерашней заметке о грустном приходится писать об ещё более грустном. Люди, озабоченные сохранением веры во все хорошее, доброе и честное, а потому отторгнувшие основной посыл этой заметки (насчёт того, что российская система власти способна проглотить любого реформатора, осмелившегося на ее устои посягнуть), оказались беспомощными перед простыми вопросами.

Я спрашивал, например, на интересы каких общественных групп реформатор этот мог бы опереться в преобразовании нынешнего государства, выстроенного по формуле «власть-деньги-власть», в государство правовое. Ничего, кроме указания на антипутинские 14 % в ответ не услышал. Как ничего не услышал и относительно ресурсного потенциала этих 14 %.

Это значит, что подсознательно либо сознательно (но тайно) граждане рассчитывают на прогрессивную диктатуру. Однако и прогрессивной диктатуре придётся на кого-то опираться, а на кого — опять же не понятно. Ну, а чтобы веру во все хорошее, доброе и честное эти доводы не колебали, мне начинали объяснять, что я за Путина и против перемен.

А я, признаюсь, против Путина и за перемены. Но умственная совесть мешает удовлетвориться легкомыслием, обманывая себя и других. Ничего иного я никому, включая себя, не предлагал, кроме того, чтобы прогрессивные эмоции насчёт того, как должно быть, разбавить мыслями о том, что есть, и что быть может. И ещё в который раз призывал присмотреться к опыту Украины, где системные преобразования политически и финансово поддерживаются Западом (может ли Россия после внешнеполитических демаршей последних лет на это рассчитывать?), но идут трудно, система обнаруживает огромную силу сопротивления.

Впрочем, и в призывах этих, как и раньше, услышан не был.

Да, и ещё много соображений было представлено по поводу того, что ничего не получится, ибо (на сей счёт тоже много соображений) получиться не может, а потому и думать тут не о чем и незачем. Однако такие суждения импонируют мне ещё меньше, чем бездумные эмоции.

О тюремных мечтаниях (23 сентября). Суждения некоторых коллег о пользе оптимизма ассоциируются с проповедью надежды в тюрьме для пожизненно осуждённых за несовершенные преступления. Не соблазняйтесь, мол, желанием объяснять исторически, почему с вами могут обходиться так, как обходятся, ибо рискуете оказаться пленёнными пессимизмом. И, тем самым, возвеличить своих тюремщиков, а также следователей, прокуроров и судей, равно как и тех, кто их назначил, наделив всех этих ничтожеств дьявольской мощью хозяев истории. Будет день, и темницы рухнут, и одних примет свобода, других — Гаага, и нам надо думать о том, как действовать, чтобы его приблизить. Что ж, звучит, действительно, оптимистично. Отречёмся от старого мира, заречёмся возвышать его дутых вождей и их слуг отыскиванием их корней в исторической почве, а отлипнет он от нас или нет — его, а не наше дело.

О способах легитимации (27 сентября). Едва ли не главное уязвимое место сложившейся в России политической системы в том, что она замкнута на один институт (президентства), который при этом не обладает достаточной легитимностью. С этим столкнулась в свое время и система советская: вождистско-идеологическая модель, утвердившаяся при Сталине, начала давать сбои при его преемниках, когда идеологическая составляющая легитимности стала размываться. А без нее и подпитывающих ее репрессивных практик не получалось и вождя. Поэтому уже Хрущева пробовали дополнительно легитимировать, рассказывая о его роли в войне с нацизмом, а Брежнева сделали чуть ли не главным ее героем. Но больших

успехов не достигли: свое отношение к ним население предпочитало выражать не в одах, а в анекдотах.

А что же действующая сегодня модель президентская? В ней огромная власть первого лица узаконена Конституцией (в отличие от советских времён, когда о государственных полномочиях лидеров КПСС, бывших реальными главами государства, в конституциях не упоминались вообще), а легитимность правителя обеспечивается голосами населения на выборах. Но в российской правовой и политической культуре, по инерции тяготеющей к вождизму, этот способ легитимации глубоких корней пока не пустил, и его слабость пришлось испытать на себе президенту Ельцину. А при Путине его ненадёжность периодически компенсировалась военно-силовыми акциями, начиная с возобновления Чеченской войны и штурма Грозного и кончая операцией в Крыму.

Не исключаю, что самому Путину обрётённого запаса вождистской легитимности хватит и на следующий срок его правления, хотя используемые им методы ее поддержания сопровождаются последствиями, ее подтачивающими. Однако советская послесталинская история убедила нас в том, что вождизм по наследству не передаётся, а возможность пролонгировать его акциями на манер путинских представляется проблематичной. Так что за горизонтом много неизвестного нового и, быть может, драматического.

О новом кандидате в президенты (1 октября). Г-жа К. Собчак, обвинив А. Навального в пренебрежении к закону и раскольничестве, призвала его с нею объединиться и составить план солидарной политической работы [Собчак 2017]. Надо полагать, чтобы стать с помощью Навального успешным кандидатом в президенты. Он, разумеется, объединяться не станет. Даже после того, как станет окончательно ясно, что самому ему претендовать на президентскую должность не позволят, а К. Собчак позволят. И мне интересно, сколько и каких людей, которые за свободу и против Путина, начнут в этом случае ее поддерживать и за нее агитировать. Слышу уже их звонкие голоса:

- Если не она, то кто?
- Интеллигентским чистоплюйством путинизм не одолеть!
- Политика — искусство возможного!
- Надо учиться выбирать в политике меньшее зло!
- Если не сплотимся и не проголосуем, то так и не узнаем, сколько нас таких, которые не только против Путина, но и за свободу!

Молодцы будут кремлёвские, если сделают К. Собчак кандидатом в президенты. Лучшего теста на прогрессистский политический идиотизм не придумаешь.

О критерии научности (3 октября). Широко обсуждается решение экспертного совета ВАК по истории, проголосовавшего за лишение Мединского докторской степени [См.: Автор игнорирует... 2017], и заявление министра образования и науки, которая за него заступилась и дала понять, что президиум ВАК экспертов может не поддержать [Васильева 2017]. Скорее всего, так оно и будет. У Мединского ведь ни много ни мало, а свой критерий научности: «Взвешивание на весах национальных интересов России создаёт абсолютный стандарт истинности и достоверности исторического труда». Автор не поясняет, что имеет в виду понимание этих интересов теми, кто в данный момент страной правит, не без оснований полагая, что умные поймут. Эксперты из-за недостатка патриотизма и избытка профессионализма могут, конечно, критерий этот и его текущее официальное толкование оспаривать, но не высшая аттестационная инстанция. Это все равно, что от Конституционного суда было ждать использования профессиональных правовых критериев в оценке присоединения Крыма или, скажем, от Совета Федерации ждать опровержения констатации, согласно которой «нас там нет».

Впрочем, у президиума ВАК есть время о критериях научности подумать.

Об убиенном университете (4 октября). Уничтожение Европейского университета в Санкт-Петербурге — это не произвол всемогущей бюрократии, которой якобы даже Путин не указ. Что бы он лично об этом ни думал, и какие бы ни произносил слова поддержки, если закрывают — значит, не без его ведома. Понял, наверное, с чьей-то помощью, что в альтернативной цивилизации, им отстраиваемой, Европейского университета быть не может — не только в смысле содержания образования, но и в смысле названия. И его административное убиение — открытое и недвусмысленное сообщение тем, кто хочет и может учить студентов: времена экспериментов с гуманитарной европейскостью закончились, о них забудьте. Сначала разберёмся с институализированной, а потом, если понадобится, доберёмся и до индивидуальной.

Ещё о Навальном (9 октября). Какая-то запредельная путаница в иных головах насчёт Навального. Поддержка его права претендовать на выборную должность — визитная карточка правосознания, отказ в такой поддержке — свидетельство его отсутствия. Мотивирование этого отказа ссылками на законность — солидаризация с системой «диктатуры закона», которая есть диктатура над законом. Такая поддержка не означает, что вы хотите видеть Навального президентом. Она не означает, что вы обязуетесь за него голосовать. Она не запрещает дарить свой голос Путину, Жириновскому или Явлинскому, как не запрещает не дарить его никому из желания выборы бойкотировать. Но давайте все же не путать право с политическими предпочтениями. Хотя бы ради того, чтобы не способствовать пролонгации бесправия.

О новой волне губернаторских отставок (11 октября). Об этом все, что можно сказать, уже сказали, но, тем не менее, не удержусь. Альтернативная цивилизация продолжает демонстрировать свою альтернативность, пользуясь терминологией ее лидера, посредством «естественной ротации» руководящих кадров. Естественность, насколько могу судить, видится в том, что в определённые промежутки времени зов цивилизационной природы, транслируемый ее полномочными представителями, сразу у нескольких губернаторов вызывает неодолимое собственное желание от занимаемых должностей освободиться¹⁸. И ещё в том, что люди, до того за них голосовавшие, к их желаниям относятся примерно так же, как к смене погоды.

Мне долго не давалось понимание этой альтернативности, провозглашаемой ее идеологами, не раз просил их мне в этом помочь, но помогали они как-то не убедительно. Однако со временем стал понимать лучше. А после «естественных ротаций» мои представления, как мне кажется, обогатились ещё больше. Мы живём в цивилизации с особыми взаимоотношениями центра и регионов, когда руководители этих регионов выбираются населением, но их выборная легитимация сама по себе никакой силы не имеет. Мы живём в цивилизации предписанных и как бы естественных «собственных желаний» всех начальствующих, включая выборных, не только властвовать, но и от власти отказываться. Желаний, после уловленных свыше сигналов тотчас же пробуждаемых, верховным начальством одобрительно удовлетворяемых и подвластными электоратами адекватно воспринимаемых.

О пролонгации исторически исчерпанного (12 октября). Что такое продление президентства Путина ещё на шесть лет? Это признание того, что политической альтернативы исторически исчерпанному состоянию ни в правящем классе, ни в обществе не сложилось. Да и у оппозиции, даже самой радикальной, она не просматривается, ибо и оппозиция эта не может обойтись без того, чтобы к нынешнему состоянию, восходящему к 2014 году, в наиболее существенных вопросах прислоняться.

¹⁸ Осенью 2017 г. от занимаемых должностей почти одновременно были освобождены «по собственному желанию» главы 11-ти российских регионов.

О том, почему в России не состоялась либеральная альтернатива (14 октября)¹⁹.

1. Одним из главных (если не главным) факторов, заблокировавших в России либеральную альтернативу, стало отсутствие в стране исторических и культурных предпосылок для выстраивания правовой государственности. Их не было в интересах и ценностях нового политического класса, не было в формирующемся частном бизнесе, не было среди основной массы населения и даже у либеральных интеллектуалов правовые установки не доминировали. Последнее в значительной степени обусловлено тем, что философско-правовая мысль начала развиваться в России только в конце XIX века, до этого все без исключения идеологические течения юрицизм отторгали, противопоставляя ему этические принципы («совесть выше закона»). А в советский период либерально-правовая интеллектуальная традиция, сформировавшаяся на рубеже XIX–XX веков, была отброшена и забыта, а потому на мышлении советской либеральной интеллигенции в период горбачевской перестройки и в первые годы после нее никак не сказывалась. При этом современные западные правовые практики (в частности, конституционные) выборочно заимствовались, но искажались логикой политической борьбы конца 1980-х – начала 90-х годов и исходное правовое содержание в значительной степени утрачивали.

2. При таком состоянии политического класса и общества в России после обрушения коммунистической системы и распада СССР ход событий вёл к тому, что главным стал восприниматься не вопрос о том, как должно быть институционально устроено государство, а вопрос о том, кому должна принадлежать власть. А так как разные политические, гражданские и экспертные группы отвечали на этот вопрос по-разному, то на Конституционном совещании 1993 года не удалось договориться о тексте новой Конституции, и вопрос о власти осенью того же года был решён силой. После чего победившая сторона во главе с Б. Ельциным подготовила свой проект Конституции, провела его через референдум, и он стал Основным Законом страны. В нем президент, как глава государства, выведен из системы разделения властей и, учитывая объем представленных ему полномочий, фактически поставлен над ними. Это позволило в дальнейшем фактически подчинить законодательную и судебную ветви власти президентской, и стало одной из причин того, что в области законотворчества и правоприменения государство стало отдаляться от декларируемых в Конституции правовых принципов.

3. При слабой укоренённости правовых принципов в культуре конституционное закрепление президентской властной монополии само по себе не могло обеспечить ее устойчивую легитимность, что и выяснилось в последний период правления Б. Ельцина. Поэтому власть именем закона начала при президентстве В. Путина дополняться ее традиционной для России легитимацией посредством апелляции к великодержавной имперской традиции, к праву, как таковому, индифферентной. Инерция имперского патриотизма наглядно проявилась в 1914 году в позитивной реакции российского общества на аннексию Крыма. Эта реакция показала, что право силы доминирует в российском массовом сознании над силой права — в том числе, и международного. И она же показала, что легитимность власти в России в значительной степени определяется именно ее способностью демонстрировать в политике верховенство силы над правом.

4. Сказанное не означает, что российское общество вообще лишено представлений о роли законности. Такие представления в нем сложились, но они накладываются на другое представление — о том, что власть выше закона, а сам закон — лишь один из инструментов властвования. В используемых российской властью механизмах управления можно обнаружить соответствие именно таким представлениям. Суть этих механизмов выражается форму-

¹⁹ Тезисы выступления на международной конференции «Dimensions and Challenges of Russian Liberalism», состоявшейся 26–28 октября 2017 г. в Турине.

лой, которую В. Путин выдвинул в своей первой предвыборной компании 2000 года, — формулой «диктатуры закона». Потом она из политического обихода исчезла, но именно она, на мой взгляд, наиболее адекватно выражает утвердившийся способ управления страной и поддержания сложившегося в ней социального порядка. Сочетание этих двух не совместимых по смыслу слов (закон предполагает ограничение власти, а диктатура — власть, законом не ограниченную) означает диктатуру **над** законом, используемым как ее инструмент. Такое его использование обеспечивается фактическим подчинением законодательных, судебных и других правоприменительных институтов президентской администрации, что позволяет власти защищаться от общества репрессивным законотворчеством (в том числе, и антиконституционным) и избирательным правоприменением, при котором во главу угла ставится принцип лояльности.

5. Причины, заблокировавшие в России либерально-демократическую альтернативу в 90-е годы, сохраняются и сегодня. Прогресса в правосознании общества не наблюдается, субъекты, заинтересованные в правовом порядке, в нем по-прежнему отсутствуют. В чем-то проблема даже усугубилась, так как сложившаяся постсоветская неправовая социальность ещё менее податлива для трансформации в правовую, чем социальность коммунистическая. Эта постсоветская социальность характеризуется тем, что между государственной бюрократией и рядовым человеком появилась фигура частного предпринимателя, от бюрократии зависимого, в результате чего сама деятельность бюрократии стала разновидностью частного бизнеса. И, чем ближе к вершине власти, тем этот бизнес крупнее, тем отчётливее проявляется в нем олигархические черты, тем больше оснований утверждать, что постсоветская российская государственность и российская социальность определяются формулой «власть-деньги-власть».

О том, как трудно такая государственная система поддается реформированию, можно судить по опыту Украины последних трех лет. По крайней мере, в тех случаях, когда реформирование осуществляется прежней элитой, сформировавшейся в той же системе. Украинский опыт показывает, что совокупный ресурс этой системы, настроенной на обслуживание частных и корпоративных интересов «олигархов», законодателей, чиновников, судей, следователей, прокуроров, несопоставимо значительнее, чем ресурс реформаторов и той части общества, которая настроена на системные преобразования. Этот опыт показывает, что для таких преобразований недостаточно изменить Конституцию и, в соответствии с принципом разделения властей, заменить президентскую форму правления на парламентско-президентскую. Более того, сами парламентарии, связанные с влиятельными группами интересов и от них зависимые, могут становиться основным звеном в механизме торможения реформ.

Поэтому при обсуждении вопроса о возможности либерально-демократической альтернативы в постсоветских странах надо исходить именно из того, что они постсоветские, от советско-коммунистических существенно отличающиеся. Наличный опыт не даёт пока оснований утверждать, что такая альтернатива в обозримом будущем реалистична в смысле реформируемости этих стран их внутренними силами. В Украине испытывается возможность такой альтернативы при политической и экономической поддержке Запада, выступающего в роли внешнего субъекта преобразований и компенсирующего дефицит субъектности внутренней. Однако даже в случае успеха украинский прецедент не позволит уверенно утверждать, что либеральная альтернатива в обозримой перспективе реальна и в России.

6. Запад поддерживает Украину, как в свое время страны Восточной Европы, в ее цивилизационной ориентации на Евросоюз и при условии согласия на выполнение его требований и практического следования им. В России же сегодня такой установки не просматривается ни в элитах, ни в массовых группах населения. Последние четверть века показали, что Россия готова сотрудничать с Западом и даже имитировать его институты только для того,

чтобы нарастить свою способность Западу цивилизационно противостоять. И переводить это противостояние в острые формы, актуализируя и акцентируя свою державно-имперскую традицию в случаях, когда действия Запада воспринимаются покушением на ее цивилизационную особость и сужением сферы ее цивилизационного влияния. Это та реальность, с которой предстоит считаться и Западу, и тем слабым силам, которые ориентируются сегодня на либерально-демократическую альтернативу в самой России. Считаться — не значит признать эту альтернативу невозможной в принципе и отказаться от усилий по наращиванию ее субъектности. Это значит, во-первых, отказаться от иллюзий насчёт того, что альтернатива эта уже вызрела. И это значит, во-вторых, не соблазняться толкованием ее слабости в пользу сотрудничества с державно-имперским мейнстримом, тем самым содействуя ему в продлении его исторического существования.

Ещё о нашумевшей диссертации (18 октября). История с диссертацией г-на Мединского о «фальсификаторах российской истории» войдёт в историю государства российского. Как опознавательный знак его своеобразия в начале XXI века.

Если диссертация, как о том сообщают СМИ, и в самом деле защищалась без оппонентов (те, чьи имена фигурируют в качестве таковых, использованы без их ведома) [Репринцева 2017], то она, следовательно, не защищалась вообще. Если ее не читали эксперты ВАКа (читавших не обнаружено) [Там же], то она, следовательно, не читана никем, кто причастен к присуждению г-ну Мединскому докторской степени.

Кто-то взвесил диссертацию «на весах национальных интересов» и решил, что этот критерий научности, выдвинутый диссертантом, исключает сомнения насчёт научности его работы, ибо сомнения могут быть истолкованы как свидетельство незрелости в понимании национальных интересов. И теперь осталось дожидаться, что решит президиум ВАК, какое понимание национальных интересов предьявит.

Как известно, действующий сегодня экспертный совет ВАКа по истории, в отличие от прежнего его состава, с диссертацией ознакомился и счёл ее научно несостоятельной, патристический критерий автора во внимание не приняв. Президиум ВАКа может с экспертным советом согласиться и счесть, что представления о патриотизме г-на Мединского, апеллирующего к введённому им критерию научности, отечеству и его репутации не на пользу, но во вред, а новаторский способ «защиты» диссертации без оппонирования признать не перспективным. Однако может более важным счесть и соображение, что решение не в пользу г-на Мединского, который не только учёный, но и министр, ещё вреднее, ибо больно ударит по авторитету власти.

В историю этот казус войдёт в любом случае. Но он может войти в нее как маркер государства бесчестия, а может — как пример успешного сопротивления общества государственному бесчестию на одном, отдельно взятом участке разлагающейся социальности.

О победе государства над историей (20 октября). Итак, г-н Мединский остаётся доктором исторических наук. На сегодняшнем заседании президиума ВАКа он победил со счётом 14:6. Соответственно, с тем же счётом проиграл экспертный совет ВАКа по истории, до того рекомендовавший г-на Мединского учёной степени лишить.

Победа президиума, где историческую науку представляют три человека, над профессиональными историками была обеспечена административной артподготовкой.

Состав президиума был оперативно правительством изменён — несколько человек в порядке «плановой ротации» из него были выведены [Распоряжение 2017].

Был создан прецедент приглашения на заседание людей, в президиум не входящих, но призванных по случаю олицетворять профессиональную совесть и честь в исторической отрасли гуманитарного знания, — в частности, академик Чубарьян.

В ответ на сообщения СМИ, что официальные оппоненты, названные в автореферате диссертации г-на Мединского, таковыми не являлись, было сообщено, что автореферат, представленный на сайте ВАКа и разосланный по библиотекам, не подлинный, а подлинный тот, с которым все желающие могут у г-на Мединского ознакомиться. Судя по результатам голосования, президиум ВАКа ознакомился, и его большинство признало правду г-на Мединского.

Сегодняшнее голосование — это в истории гуманитарного знания событие такого же масштаба, как «возвращение Крыма» во внешней политике. Это торжество того же принципа, верностью которому президент России объяснял успех крымской операции. Не забыли, какого принципа? Если забыли, напоминаю: наша «сила в правде», в «ощущении правоты» любых осуществляемых государством действий.

«По сути, сегодня восторжествовала наука» — так выразил это ощущение правоты научный директор Российского военно-исторического общества г-н Мягков, выведя тем самым историков из экспертного совета, думающих иначе, за пределы науки. «Сегодня стало понятно, — добавил он же, — что Владимир Ростиславович Мединский — это действительно историк, историк с большой буквы» [Мухаметшина, Смирнов 2017], дав понять, что специалисты из экспертного совета то ли историки с маленькой буквы, то ли не историки вообще.

О праве голоса (22 октября). Продолжаются сетевые дебаты о вердикте президиума ВАКа относительно диссертации Мединского. Среди тех, кто вердикт считает неправильным, стали слышны голоса в защиту большинства президиума с позиции демократии и прав человека. Имеют, мол, право голосовать так, как диктует им их добрая воля [Марей 2017]. А я почему-то читаю это так, что имеют право следовать воле, диктующей им их добрую волю в оценке того, в чем сами они не сведущи. Наверное, не привык ещё к тому, что живём при демократии и верховенстве права.

О когнитивном диссонансе, которому вряд ли суждено быть замеченным (2 ноября). Оригинально у некоторых мозг устроен. Объясняют непонятливым, что политика — штука не одномерная, что в ней каждый, преследуя свои собственные интересы, надеется использовать в этих интересах другого, который, в свою очередь, движим той же мотивацией. А такого, чтобы одни использовали, а их соперники только позволяли себя использовать, своих интересов и целей не имея, — такого не бывает.

Оно, конечно, так. В принципе. Но политика — это не только принципы, но и детали, в которых скрывается известно кто.

Вот, скажем, один политик видит себя кандидатом в президенты, а другие политики его до выборов не допускают, ибо своего интереса в таком допуске не обнаруживают, а обнаруживают исключительно одностороннюю и вредную для себя уступку. Он в ответ объявляет выборы без его участия незаконными и обещает вместе со своими сторонниками их бойкотировать. И тогда на политической сцене вдруг появляется некто, заявляющей о готовности этого политика на выборах заменить, чему его противники почти открыто покровительствуют. А те, кто его энтузиастически поддерживали и вроде бы поддерживать продолжают, делегировали теперь свою поддержку и сменщику.

То есть, изъявили готовность за этого сменщика голосовать, запамятавав о том, что заменяемый выборы без своего в них участия не признает сейчас и не признает потом. И объясняют эту свою забывчивость тем, что сменщик тоже вполне достойный, слова произносит правильные, а если тёмные силы предпочитают его тому, кого хотят до выборов не допустить, то ничего страшного в этом нет. Ибо сменщик интересу тёмных сил противопоставляет свой, который намерен отстаивать, не давая использовать себя в чужой игре, а ведя игру собственную. И будет вместо политической спячки и сетевого нитья политическая движуха,

и потекут со всех экранов запретные слова, пробуждая народонаселение от спячки, и устремится оно, воодушевлённое, к избирательным урнам.

А я, слушая все это, думаю о том, что такую логику может продуцировать только оригинально устроенный мозг. Интересно будет наблюдать, как он заставит людей агитировать за сменщика, когда тот, кого им заменили, будет призывать выборы бойкотировать. Почему-то кажется мне, что когнитивный диссонанс будет ими пережит незамеченным.

Пишу не в поддержку кого-то, а только ради того, чтобы привлечь внимание к некоторым особенностям прогрессистского политического сознания.

Об ожиданиях (6 ноября). Люди, в компетентности которым не откажешь, ждут нового политического качества в декабре, когда начнётся регистрация кандидатов в президенты [Павловский 2017]. Думаю, если что и будет, то некоторое — может быть, и существенное — возбуждение политической рутины, но не прорыв из рутины в политическую динамику. Текущее состояние изжито, а содержательный запрос на иное состояние — даже в утопическом измерении — не нажит. Тот случай, когда рад буду в ожиданиях обмануться.

О преходящем и непреходящем (9 ноября). Не устают упрекать в пессимизме, который, мол, только на руку бенефициарам проклятого настоящего. Оснований для упреков не обнаруживаю. Исхожу из когда-то начертанного: «Все проходит. И это пройдёт». А как скоро, не знаю. В том, что вижу, указаний на ускорение не вижу, хотя с желающими ускорения и их неприятием наличного состояния солидарен. И куда пойдёт, когда пройдёт, не знаю тоже. А прежний опыт подсказывает, что начертанное восприятие может со временем смениться иным, тоже начертанным: «Ничто не проходит».

О г-не Сечине и российском суде (27 ноября). Замечательная эта история с приглашением в суд г-на Сечина. Четыре раза приглашали, а он не идёт²⁰. Сначала потому, что полученную повестку не получал, а потом потому, что «плотный рабочий график». И до конца года плотность обещал не уменьшать. Можно, конечно, доставить г-на Сечина в суд принудительно, дабы заставить этот суд уважать, закон такое предусматривает, но судья, насколько можно понять, не предусматривает. Вспоминаю, как в далёкие 90-е г-н Грачев, тогдашний министр обороны, тоже не собирался, будучи приглашённым в суд, туда являться. Но все же явился. Тогдашний президент Ельцин ему что-то такое объяснил про равенство перед законом, и министр понял. А г-ну Сечину объяснить так, чтобы понял, некому.

О кандидатах в президенты (28 ноября). Что объединяет всех претендентов на участие в президентских выборах, кроме одного, о своих претензиях пока не объявившего?²¹ Их объединяет олимпийская идея: главное — не победа, главное — участие.

Об исторической утрате (29 ноября). Может быть, главное, что утратила Россия в лице ее руководства после распада СССР, — это возможность представлять исторический маршрут страны, как исток маршрута всеобщего, по которому она продвигается, вопреки недругам, при поддержке «всего прогрессивного человечества» во имя утверждения «мира и дружбы между народами». Никем такая риторика не возбраняется, а слова не выговариваются. Очевидно, у пропаганды есть и свои внутренние тормоза.

Утрата компенсируется повысившимся вниманием к проискам недругов и изобретением для этого новых лексических средств. Правда, в последнее время активизировался ещё и поиск потерянного образа собственного российского будущего. Если отыщется, то можно будет, наверное, снова претендовать и на глобальное первопроходчество. Но почему-то не отыскивается.

²⁰ Глава российской нефтегазовой компании «Роснефть», входящий в ближайшее окружение президента В. Путина, И. Сечин четырежды приглашался в суд в качестве свидетеля по делу обвиняемого в коррупции бывшего министра экономического развития А. Улюкаева. См. об этом: Сечин в четвёртый раз... 2017.

²¹ О своем участии в выборах В. Путин объявил 6 декабря 2017 г.

О правителе РФ тем, кто мечтает стать правителем (16 декабря).

Чтобы не забыть: «Другой вопрос связан с деятельностью правоохранительных органов...»

Знаете, где-то год назад я пригласил Бортникова (директора ФСБ, кто не знает) и дал ему материалы, которые ко мне поступили по одному из каналов в отношении конкретной структуры. Он посмотрел (неудобно говорить, но, тем не менее, скажу) и говорит: „Владимир Владимирович, мы ровно полгода назад провели оперативно-следственные действия, возбудили уголовные дела, передали в суд, все находятся в местах лишения свободы — все из целого подразделения. Полгода назад набрали новых сотрудников, и все началось сначала“.

Понимаете, я, честно говоря, иногда даже не знаю, что с этим делать...» (В.В. Путин, 14 декабря 2017 г.) [Большая... 2017].

Об условии перемен (31 декабря). Президент в новогоднюю ночь [Новогоднее 2017] заверил, что ожидаемые важные перемены в 2018-м будут. При условии, что дети возлюбят родителей, а родители — детей. А больше, как понял, ничего ни от кого не требуется. Страну и так все любят и в нее верят.

---

23 должностных лица были задержаны... 2017. 23 должностных лица были задержаны в рамках крупной антикоррупционной операции — Матиос. — *ZN,UA*. — 24 мая. — Доступно: https://zn.ua/UKRAINE/23-dolzhnostnyh-lica-zaderzhany-v-ramkah-krupnoy-antikorrupcion-pou-operacii-matios-249276_.html. — Проверено: 15.03.2018.

Автор игнорирует... 2017. «Автор игнорирует сведения источников, если они противоречат его тезисам». — *Коммерсант.ru*. — 3 октября. — Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/3428139>. — Проверено: 15.03.2018.

Арест судьи с банкой долларов... 2016. Арест судьи с банкой долларов: все подробности скандала в Киеве. — *Киев сегодня*. — 11 августа. — Доступно: <http://kiev.segodnya.ua/kaccidents/arrest-sudi-s-bankoy-dollarov-vse-podrobnosti-skandala-v-kieve-741767.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Бальцерович Л. 2016. Война — не оправдание для плохой политики — *Радио Свобода*. — 7 ноября. — Доступно: <http://www.svoboda.org/a/28101589.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Большая пресс-конференция Владимира Путина... 2017. Большая пресс-конференция Владимира Путина. — *Президент России*. — 14 декабря. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56378>. — Проверено: 15.03.2018.

В Днепре... 2017. В Днепре правоохранители задержали двух судей взяточников. — *iPress*. — 19 апреля. — Доступно: http://ipress.ua/ru/news/v_dnepre_pravoohranytely_zaderzhalu_dvuh_sudeyvzyatochnikov_207755.html. — Проверено: 15.03.2018.

В Москве... 2017. В Москве на треть уменьшилось число оппозиционных депутатов. — *MosDay*. — 11 сентября. — Доступно: <http://mosday.ru/news/item.php?1136594>. — Проверено: 15.03.2018.

В Украине... 2016. В Украине идут беспрецедентные реформы — доклад Еврокомиссии. — *Сегодня.ua*. — 13 декабря. — Доступно: <http://www.segodnya.ua/politics/reforms/v-ukraine-idut-besprecedentnye-reformy-doklad-evrokomissii-779083.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Васильева уверена... 2017. Васильева уверена в отсутствии плагиата в диссертации Меддинского. — *Коммерсант.ru*. — 3 октября. — Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/3428139>. — Проверено: 15.03.2018.

Витренко Ю. 2016. *Фейсбук*. — 26 ноября. — Доступно: https://www.facebook.com/yuriy.vitrenko/posts/10154227037978458?hc_location=ufi. — Проверено: 15.03.2018.

Выборы 2017... 2017. Выборы 2017, результаты: стали известны первые итоги голосования в Москве и России. — *Торnews*. — 11 сентября. — Доступно: http://www.topnews.ru/news_id_108520.html. — Проверено: 15.03.2018.

Генсек ООН... 2017. Генсек ООН в Киеве: мой визит — свидетельство преданности Украине. — *ВВС*. — 9 июля. — Доступно: <http://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-40547919>. — Проверено: 15.03.2018.

Глава европейского представительства... 2017. Глава европейского представительства на Украине призвал к реформе СБУ. — *Lenta.ru*. — 4 июля. — Доступно: <https://lenta.ru/news/2017/07/04/reform/>. — Проверено: 15.03.2018.

Диалоги... 2015. Диалоги: Сергій Рахманін та Мустафа Найем. Після Майдану. — *YouTube*. — 21 ноября. — Доступно: <http://www.youtube.com/watch?v=MzcQ9aASlhI>. — Проверено: 15.03.2018.

ЕС нашёл выход из кризиса... 2016. ЕС нашёл выход из кризиса с Соглашением об ассоциации с Украиной. Полный текст решения. — *Европейская правда*. — 15 декабря. — Доступно: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/12/15/7058954/>. — Проверено: 15.03.2018.

Закон об электронном декларировании... 2016. Закон об электронном декларировании доходов и расходов «ответственными» госслужащими вступил в силу. — *Факты*. — 18 марта. — Доступно: <http://fakty.ua/214217-zakon-ob-elektronnom-deklarirovanii-dohodov-i-rashodov-otvetstvennyimi-gossluzhacshimi-vstupil-v-silu>. — Проверено: 15.03.2018.

Закон об очищении власти... 2014. Закон об очищении власти. — *Украинская правда*. — 15 октября.

Интервью Дмитрия Медведева... 2014. *Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Блумберг» 20 мая 2014*. — Доступно: <http://government.ru/news/12509/>. — Проверено: 15.03.2018.

Кончаловский о деле Серебренникова... 2017. Кончаловский о деле Серебренникова: Речь идет не о творчестве, а о законности. — *Ren.tv*. — 24 августа. — Доступно: <http://ren.tv/novosti/2017-08-24/konchalovskiy-o-dele-serebrennikova-rech-idet-ne-o-tvorchestve-o-zakonnosti>. — Проверено: 15.03.2018.

Кривцун Д. 2015. Мишель Терещенко: «Для меня, как украинского европейца и европейского украинца, важно показать людям, что даже маленький город в Украине может жить, как в Европе» — *День*. — 27 октября.

Койре А. 2014. Размышления о лжи. — *Гэфтер*. — 3 сентября. — Доступно: <http://gefter.ru/archive/12919>. — Проверено: 15.03.2018.

Лидеры ДНР и ЛНР... 2016. Лидеры ДНР и ЛНР встретились с Савченко. — *НТВ*. — 12 декабря. — Доступно: <http://www.ntv.ru/novosti/1731776>. — Проверено: 15.03.2018.

Лилия Гриневич... 2016. Лилия Гриневич: Невозможно учить современных детей так, как учили нас. — *Аргумент*. — 5 августа. — Доступно: <http://argumentua.com/stati/liliya-grinevich-nevozmozhno-uchit-sovremennykh-detei-tak-kak-uchili-nas>. — Проверено: 15.03.2018.

Лукиянов Ф. 2017. Россия 2035: грани возможного. — *Коммерсант.ru*. — 31 августа. — Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/3384073>. — Проверено: 15.03.2018.

Луценко Ю. 2015а. Одним конкурсом по набору нового персонала в прокуратуру проблему не решить. — *Третя Українська Республіка*. — 11 ноября. — Доступно: <http://www.3republic.org.ua/ru/news/16408>. — Проверено: 15.03.2018.

Луценко Ю. 2015b. О так называемых скандалах в БПП. — *Третя Українська Республіка*. — 8 декабря. — Доступно: <http://www.3republic.org.ua/ru/analytics/16496>. — Проверено: 15.03.2018.

Луценко Ю. 2015c. Правительство должно предоставить ответ на обвинения Саакашвили. — *Третя Українська Республіка*. — 7 декабря. — Доступно: <http://www.3republic.org.ua/ru/news/16494>. — Проверено: 15.03.2018.

Марей А. 2017. *Публикация в Фейсбуке 22 октября 2017 г.* — Доступно: <https://www.facebook.com/alexander.marey>. — Проверено: 15.03.2018.

Мухаметшина Е, Смирнов С. 2017. Степень Мединского — похороны или торжество справедливости? Что сторонники и противники министра говорят о решении президиума ВАК. — *Ведомости*. — 20 октября. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/20/738769-vak-reputatsiyu>. — Проверено: 15.03.2018.

Новогоднее обращение... 2017. Новогоднее обращение президента России. — *Rutube*. — 31 декабря. — Доступно: <https://rutube.ru/video/346640b8a6b0b0c38b07ca4fa85b91d7/>. — Проверено: 15.03.2018.

Основы государственной антикоррупционной политики... б/г. *Основы государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционная стратегия) на 2014–2017 годы*. — Доступно: <http://dobudova.com/index.php/ru/normativnyeakty/4258-ob-osnovakh-antikorrupcionnoj-politiki-v-ukraine-antikorrupcionnaja-strategiya-na-2014-2017-gody>. — Проверено: 15.03.2018.

Павловский Г. 2017. Семь тезисов Глеба Павловского о лидерстве и повестке политизации в 2017 году. — *Гедфтер*. — 30 октября. — Доступно: <http://gefter.ru/archive/23093>. — Проверено: 15.03.2018.

Пасхавер А. 2017. Выбор судьбы. — *ZN,UA*. — 27 апреля. — Доступно: https://gazeta.zn.ua/internal/vybor-sudby-246993_.html. — Проверено: 15.03.2018.

Пекар В. 2016. «Ничего не получилось» — это преувеличение. — *Новое время*. — 21 ноября. — Доступно: <http://nv.ua/publications/nichego-ne-poluchilos-eto-preuvelichenie-vale-gij-pekar-podvodit-itogi-treh-let-posle-jevromajdanu-282653.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Порошенко... 2017. Порошенко о Насирове: Дело нужно довести до конца. — *Корреспондент.net*. — 3 марта. — Доступно: <http://korrespondent.net/ukraine/3822498-poroshenko-o-nasyrove-delo-nuzhno-dovesty-do-kontsa>. — Проверено: 15.03.2018.

Правительство изменило... 2017. Правительство изменило состав президиума ВАК перед заседанием, посвящённым лишению Мединского учёной степени. — *Медиазона*. — 18 октября. — Доступно: <https://zona.media/news/2017/10/18/vak>. — Проверено: 15.03.2018.

Право голоса... 2015. Право голоса — Украина: кто виноват? — *YouTube*. — 20 ноября. — Доступно: <http://www.youtube.com/watch?v=YIJ2q9qsWYc>. — Проверено: 15.03.2018.

Представительница ЕК... 2017. Представительница ЕК: Идёт война между украинскими институтами и личными интересами. — *Европейская правда*. — 20 марта. — Доступно: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/interview/2017/03/20/7063267/>. — Проверено: 15.03.2018.

Путин потребовал... 2017. Путин потребовал заняться проблемой поборов в школе. — *Вести.ru*. — 31 июля. — Доступно: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2916016>. — Проверено: 15.03.2018.

Распоряжение правительства... 2017. Распоряжение правительства Российской Федерации от 16.10.2017 №2265 р. — *Официальный интернет-портал правовой информации*. — 18 октября. — Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710180009>. — Проверено: 15.03.2018.

Репринцева Ю. 2017. А была ли вообще защита диссертации Мединского? — *Новая газета*. — 16 октября. — Доступно: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/16/74225-a-by-la-li-zaschita-dissertatsii-medinskogo>. — Проверено: 15.03.2018.

Романа Насирова... 2017. Романа Насирова избрали председателем Федерации дзюдо. — *Gazeta.ua*. — 21 апреля. — Доступно: https://gazeta.ua/ru/articles/ukraine-newspaper/_romana-nasirova-izbrali-predsedalelem-federacii-dzyudo/767476. — Проверено: 15.03.2018.

Россия... 2016. Россия: пять шагов в будущее. — *Открытая Россия*. — Доступно: https://openrussia.org/post/view/19396/?utm_e427dd26b-d6b0ec4c7d-125763861. — Проверено: 15.03.2018.

Саакашвили М. 2015. Интервью. — *YouTube*. — 3 сентября. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=Vz3Pa8PDXQg#t=187>. — Проверено: 15.03.2018.

Саакашвили поименно... 2015. Саакашвили поимённо перечислил «главных коррупционеров» Украины, озвучив впечатляющие суммы. — *Новое время*. — 6 декабря. — Доступно: <http://nv.ua/ukraine/politics/saakashvili-poimenno-perechislil-glavnyh-korruptsionerov-ukrainy-i-nazval-vpечatljajushchie-summy-84204.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Савченко исключили... 2016. Савченко исключили из фракции «Батькивщина». — *Корреспондент.net*. — 15 декабря. — Доступно: <http://korrespondent.net/ukraine/3787733-savchenko-yskluichyly-uz-fraktsyyu-batkyvschyna>. — Проверено: 15.03.2018.

Сечин в четвёртый раз... 2017. Сечин в четвёртый раз не пришел на допрос по делу Улюкаева. — *Газета.ru*. — 27 ноября. — Доступно: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/11/27/n_10865990.shtml. — Проверено: 15.03.2018.

СМИ... 2016. СМИ: лидеры ЕС продлили антироссийские санкции. — *Российская газета*. — 15 декабря. — Доступно: <https://rg.ru/2016/12/15/smi-lidery-es-prodlili-antirossijskie-sankcii.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Собчак предложила... 2017. Собчак предложила Навальному выработать совместный план действий. — *Ведомости*. — 1 октября. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/01/736013-sobchak-predlozhila-navalnomu>. — Проверено: 15.03.2018.

Собянин С. 2017. *Запись в Твиттере. 2017, 9 сентября*. — Доступно: <https://twitter.com/mossobyuanin/status/906512859877789697>. — Проверено: 15.03.2018.

Стенографический отчёт... 2017. Стенографический отчёт о Всероссийском открытом уроке «Россия, устремленная в будущее». — *Президент России*. — 1 сентября. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55493>. — Проверено: 15.03.2018.

Страна нуждается... 2015. Страна нуждается в нескольких успешных уголовных процессах. — *Третя Українська Республіка*. — 25 ноября. — Доступно: <http://www.3republic.org.ua/ru/news/16456>. — Проверено: 15.03.2018.

Тихий Г. 2016. *Фейсбук*. — 21 ноября. — Доступно: https://www.facebook.com/gosha.tikhiy/posts/1297655570297695?hc_location=ufi. — Проверено: 15.03.2018.

Туск... 2017. Туск: Украина может потерпеть поражение от самой себя. — *Русская планета*. — 14 июля. — Доступно: <http://rusplt.ru/o/publication/politika/tusk-ukraina-mozhet-poterpet-porazhenie-ot-samoj-sebya-548922>. — Проверено: 15.03.2018.

Холмогоров Е. 2014. Воображаемый друг. — *Известия*. — 9 июня.

Эрлер Г. 2016. Украина движется в правильном направлении. — *DW*. — 24 ноября. — Доступно: http://www.dw.com/ru/B8/a-36511235?maca=rus-rss_rus_Faceneews_Maintopics_Fulltxt-19555-xml-mrss. — Проверено: 15.03.2018.

Яковенко И. 2017. Невыносимое лидерство протеста. — *7 дней*. — 15 сентября. — Доступно: <https://7days.us/igor-akovenko-nevynosimoe-liderstvo-protesta>. — Проверено: 15.03.2018.

Backstage... 2017. Backstage и полная версия дебатов Навального и Стрелкова. — *Youtube*. — 20 июля. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=smvTX7wstbU>. — Проверено: 15.03.2018.

Ryatigorets D. 2015. Немного утренних новостей. — *Третя Українська Республіка*. — 13 октября. — Доступно: <http://www.3republic.org.ua/ru/analytics/16311>. — Проверено: 15.03.2018.